

Светлана К. Севастьянова (Новосибирск)
Галина М. Зеленская (Истра)

**Патриарх Никон и святитель Филипп,
Митрополит Московский:
опыт комплексного исследования**

Тема духовных образцов, которым следовал в своем житии и деяниях Никон, Патриарх Московский и всея России (1605-1681), неоднократно становилась предметом изучения.¹ Чаще всего отмечалось стремление патриарха уподобляться Христу, что канонически основано на толковании 55-го правила святых апостолов: «Епископи убо по образу суще Господа нашего Исуса Христа, и глава церковнаго тѣлесе именуеми, и большія чести достойни суть».² В своем главном полемическом труде «Возражение, или Разорение» Никон писал, что «патриарх Христов образ носит на себѣ»³ (В, с. 237), и относил слова Скрижали «*Архїерей ѡбразѣтъ Хр҃та*»⁴ не только к богослужению, но и ко всему укладу жизни архипастыря. По справедливому замечанию М.В. Плюхановой, внешнее поведение патриарха Никона «было организовано таким образом, что у свидетелей [...] возникали евангельские ассоциации».⁵

Герб Патриарха Никона, изобразительный ряд которого выстроен по принципу уподоблений, содержит в верхней части эмблематический портрет первосвяти-

¹ *Терновский Ф.* Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в Древней Руси. Киев, 1876; *Флоровский Георгий, протоиерей.* Пути русского богословия. М., 1983; *Тумина В.А.* Введение // Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation» [«Возражение, или Разорение смиренного Никона, Божию милостию патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Ликаридиусу и на ответы Паисиовы», 1664 г.] / Edited, with introduction and notes by Valerie A. Tumins and George Vernadsky. Berlin—New York—Amsterdam, 1982. С. 18-76; *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи. М., 1995; *Полознев Д.Ф.* Канонизация митрополита Филиппа в идейной борьбе за упрочение авторитета церкви в середине XVII в. // Церковь, общество и государство в феодальной России: Сб. статей. М., 1990. С. 283-293; *Люстров М.Ю.* Уход патриарха Никона как подражание образцам (к вопросу о самосознании московского патриарха) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2000. Сб. 10. С. 447-460; *Сапожникова О.С.* Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 209-213; *Севастьянова С.К.* Патриарх Никон и митрополит Филипп (Колычев): к вопросу о жизненных ориентирах и подобию // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск—Москва, 2010. Вып. 9. С. 61-73; *Она же.* Патриарх Никон и митрополит Филипп (Колычев): еще раз о жизненных ориентирах и подобию // Там же. 2014. № 13. С. 59-70.

² Цит. по: Правила святых апостол и святых соборов, вселенских и поместных, и святых отец с толкованиями. М.: ОЛДП, 1876. С. 116-117.

³ Здесь и далее текст «Возражения, или Разорения» патриарха Никона (В) цит. по: Patriarch Nikon on Church and State: Nikon's «Refutation».

⁴ Скрижаль. М. 1655-1656. Л. 55 (второго сч.).

⁵ *Плюханова М.Б.* О некоторых чертах личностного сознания в России XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982. С. 191.

теля. Здесь представлена спускающаяся на цепочке от митры-короны панагия с изображением Спаса на чрепии (керамион). Иконография керамиона выбрана в знак того, что Патриарх воспринимает, хранит и запечатлевает образ Господень подобно тому, как чрепие — Нерукотворный образ Христа (илл. 1-2).⁶

Объясняя значимые события современности, Патриарх Никон сравнивал их с аналогичными примерами из жития разных святых. В одном из писем 1662 года он предупреждал царя Алексея Михайловича:

«Аще ли того ради мя хоцеть осудити еже собранный по твоему, государеву, указу соборъ и по сложенному ихъ свитку, его же имама образъ, для единого отхождения нашего, то уже подобаеть и самого Христа извергнути, еже множицею отходила зависти ради иудейской, и святого Предтечу, и вся святые апостолы, и пророки, и святые вся, и святое Евангелие, и вся святые книги»⁷ (Посл. ПН, с. 411).

Годом раньше в письме государю Никон выстроил поименный ряд святых, чьи судьбы были схожи с его судьбой:

«Ввержен бысть Павел в темницу с сущими с ним, Ангель того и сущих изведе. И паки. Петръ посилен затворити, Ангель ю отверзе. Изгнан бысть Богослов в Патмос, тамо благодати лутчей сподобися Благовѣстие написати и Апокалиписис о послѣдних временех. Изгнася Иоанн Златоустъ, паки на свой престол по смерти изгнавших возвратись и обиду вдовицы виноград по смерти опредѣли. Изгнася Филип митрополит, но паки ста противу лицу оскорбивших его» (Посл. ПН, с. 401).

В письме к своему другу боярину Никите Алексеевичу Зюзину в 1660 г. Патриарх привел краткий список святителей, житие которых определяло его собственные поступки:

«а нам первообразных много: их же реестрь се ест — Иоанъ Златоуст, Афа(на)сей великий, Василей велики і здѣшні Филип митрополит».⁸

Наконец, в послании 1662 года к газскому митрополиту Паисию Лигариду, объясняя причину оставления патриаршей кафедры, патриарх Никон составил еще один перечень «первообразных»:

«И наше отхождение не нерадѣния ради еже о стаде нашем есть, но нѣкако и божественно мнитца нам быти, по писанному во Евангелии, яко множицею и Христос от навѣта Иродова и иудейских тайно и явно отходил и бѣгал, тако же и апостоли, якоже Павел от Дамаска, и Петръ от темницы избѣже, и прочии; такожде и в перво-святителех, якоже Григорий Богослов и Афонасей Великий являютца, отходя мучительских ради гонений» (Посл. ПН, с. 597).

⁶ Зеленская Г.М. Новый Иерусалим и Малая Россия в XVII веке // Русский мир в мировом контексте. Сб. статей и материалов всерос. заочной научной конференции с междунар. участием «Человек и мир человека» / Ред.-сост. С.К. Севастьянова. Рубцовск, 2012. С. 146-149.

⁷ Здесь и далее послания патриарха Никона современникам (Посл. ПН.) цит. по: Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками. Исследование и тексты. М., 2007.

⁸ Цит. по: Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по официальным документам Н.А. Гиббенет. СПб., 1884. Ч. 2. С. 495; курсив издания.

Осмысление своего жизненного пути в контексте широкого круга образцов из священной и церковной истории присуще христианину.⁹ Для монаха первообразом и небесным покровителем служит его тезоименитый святой. Патриарх Никон особо почитал преподобного Никиту, столпника Переяславского (†1186), чье имя он получил при крещении, и преподобномученика Никона, епископа Сицилийского (†251), в честь которого был наречен при постриге. Принимая незадолго до кончины схиму, монах Никон не захотел переменить имя, но получил, вероятно, еще одного небесного покровителя — преподобного Никона, игумена Киево-Печерского (†1088), память которого совершается в один день с епископом Никоном — 23 марта (по ст. ст.).¹⁰ Для Никона имел значение и подвиг столпничества преподобного Никиты, что нашло отражение в архитектурных образах Богоявленской пустыни, выстроенной в подмосковном Новом Иерусалиме, и подвиг духовного учительства епископа Никона, которому следовал Патриарх как воспитатель юношества.¹¹ Почитал Никон и преподобного Макария Желтоводского, Унженского (†1444) — основателя монастырей, в чьей обители он подвизался в отрочестве. Вместе с тем в сонме святых, близких патриарху Никону в разные периоды его жизни и в разных сферах его деятельности, именно митрополит Филипп был личностью, представлявшей для него и духовный образец, и промыслительную историческую параллель. Церковный историк Г.П. Федотов писал, что Никон «имел личное желание [...] прославления» митрополита Филиппа.¹² Светские ученые добавляют: «для Никона образ Филиппа приобретал как важный политический, так и глубоко личный смысл. Митрополит стал для него своего рода примером для подражания»,¹³ символом «беспорной правоты и вечного главенства Церкви».¹⁴

*

* * *

Патриарха Никона с митрополитом Филиппом разделяло одно столетие. Будущий митрополит родился в 1507 году, монашеский постриг принял в возрасте 32-х лет. Будущий патриарх родился в 1605 году, и постриг принял в 31 год. Духовной родиной обоих стали Соловки, и для Никона это обстоятельство наряду с хронологическими совпадениями послужило основой почитания святителя Филиппа.

Именно в 1636 г., когда московский иерей Никита Минов был принят в Троицкий Анзерский скит, вышла Минея со службой митрополиту Филиппу,¹⁵ разные

⁹ Архимандрит Никанор, настоятель Воскресенского монастыря Нового Иерусалима, в стихотворной эпитафии своему предшественнику архимандриту Герману I (†1682), любимому ученику Патриарха Никона, писал, что тот скончался, «рѣнѣа всѣ^х житію стѣ^х». Фото 2002 года белокаменной плиты с резной эпитафией архимандриту Герману см. в: *Зеленская Г.М.* Святые Нового Иерусалима. М., 2002. С. 322.

¹⁰ Там же. С. 273-274.

¹¹ Вместе с епископом Сицилийским Никоном Церковь поминает «199 учеников его». О подвиге учительства патриарха Никона см.: *Зеленская Г.М.* Патриарх Никон как воспитатель юношества // Святоотеческое наследие и воспитание юношества. М., 2005. С. 60-84.

¹² *Федотов Г.П.* Святой Филипп, митрополит московский. М., 2000. С. 110.

¹³ *Полознев Д.Ф.* Канонизация митрополита Филиппа. С. 288.

¹⁴ *Сапожникова О.С.* Иоанн Златоуст и митрополит Филипп. С. 211.

¹⁵ Минея служебная. М., 1636. Декабрь. Л. 1-13 (вторая пагин.).

редакции которой бытовали в рукописной традиции с 20-х годов XVII в.¹⁶ Это означало признание Русской церковью митрополита-страстотерпца как общерусского святого. Иеромонах Никон имел, таким образом, одновременную возможность увидеть совершенные игуменом Филиппом преобразования на большом Соловецком острове, осмыслить особенности сооруженных по его замыслу храмов, поклониться погребению митрополита и совершать ему богослужения как священномученику.

Не менее значимой была возможность приобщиться к житию святителя Филиппа путем живого предания. Преподобный Елеазар Анзерский, духовный наставник иеромонаха Никона, еще застал жившего в Соловецком монастыре на покое архимандрита Иакова (†1614; память 9/22 августа), ученика и постриженника игумена Филиппа II (Колычева).

Иаков принял монашеский постриг в 1564 году. С 1573 по 1581 г. он управлял в сане игумена Палеостровским монастырем, а затем почти 17 лет был настоятелем Соловецкой обители. Во время его игуменства в 1591 г. мощи митрополита Филиппа, сосланного за обличения царя Ивана Грозного в Тверской Отрочь монастырь и убитого там опричником Малютой Скуратовым 23 декабря 1569 г., были торжественно перенесены на Соловки. Игумен Иаков лично просил царя Федора Ивановича дать ему «тѣло мертвое» Филиппа для погребения его на Соловках как «сокровище безцѣнное»¹⁷ (*ЖМФ*, с. 200, 201). Мощи святителя были захоронены под папертью церкви преподобных Зосимы и Савватия Соловецких — одного из приделов Спасо-Преображенского собора, сооруженного тщанием игумена Филиппа. С этого времени почитание митрополита как священномученика и чудотворца приобрело открытый и повсеместный характер (*илл. 3-4*).

Игумен Иаков был монахом «зело подвижного жития», вошедшим в историю Соловецкого монастыря как собиратель и любитель книг. Он продолжил традицию переписывания рукописей, некоторые из которых помечал собственным экслибрисом.¹⁸ Почитался он и как «многотрудный чудного стеноздания соградитель».¹⁹ При нем вокруг обители была воздвигнута мощная крепостная ограда, завершившая труды игумена Филиппа по созданию величественного и великолепного монастырского ансамбля, не имевшего себе равных на Руси. В 1597 г. игумен Иаков был назначен настоятелем Троицкого Ипатиевского монастыря в Костроме и возведен в сан архимандрита. Спустя 10 лет он ушел на покой и жил в родной Соловецкой обители, где и беседовал с ним будущий начальник Троицкого Анзерского скита преподобный Елеазар.

¹⁶ Смирнова А.Е. Первоначальная редакция службы митрополиту Филиппу // Книжное наследие Соловецкого монастыря XV-XVII вв.: Тезисы докладов Международной научной конференции. Соловки, 2005. С. 25-27.

¹⁷ Здесь и далее Житие митрополита Филиппа в «Тулуповской» редакции (*ЖМФ*) цит. по: Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: Исследование и тексты. СПб., 2006. С. 164-204.

¹⁸ Дмитриева Р.П. Иаков // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.), ч. 1: А-К. С. 368.

¹⁹ Цит. по: Зеленская Г.М. Преподобный Елеазар Анзерский и Святейший Патриарх Никон // Никонские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. научных статей. М., 2005. Вып. II. С. 23.

С пророчеством игумена Иакова было, вероятно, связано начатое старцем Елеазаром при участии иеромонаха Никона строительство нового храма в Троицком скиту, получившем в 1633 г. независимость от Соловецкого монастыря. В «Свое-ручной хартии» скитоначальник писал:

«Преже мене, грешнаго Елиазара, бывшей игумен Ияков виде от Бога откровение о мѣсте Анзерском. Аз же застал. И поведя, что хоцет Богъ прославится на мѣсте семь, и будет монастырь велий и многи святаыя. И самъ он хотехъ поставити монастырь на том мѣсте и церковь воздвигнути. И по зависти сопостата врага не даша ему воздвигнути соловецкия старцы. Он же и до смерти глаголюще: “Аще и не даша мнѣ пост[а]вити, а обитель будет на мѣсте семь велия”»²⁰ (Соч. ЕА, с. 113).

Старая деревянная Троицкая церковь на Анзере была мала, «с трапезою [...] всего внутри три сажень» (илл. 5). Предполагалось построить более просторный храм, «церковь каменную с трапезою Знамения Пречистыя Богородицы поземную, внутри пять сажень» (Соч. ЕА, с. 185). Преподобный Елеазар отправился для сбора пожертвований в Москву, взяв с собой иеромонаха Никона. Длительная поездка позволяла ученику с учителем общаться чаще и продолжительнее, чем в скиту, и будущее строительство, по-видимому, детально обсуждалось. В 1638 г. на Анзере была заложена каменная церковь на высоком подклете, с трапезой и папертью. Соловецкий игумен Варфоломей, которому царским указом было велено это «дело устроить», отказался от поручения, ссылаясь на нехватку средств. Строительство храма остановилось на десять лет. Когда встал вопрос о его возобновлении, соловецкий игумен Илия сообщал царю, что

«строитель старец Елиазар з братиею завели то анзерское церковное строение, каменное дело болшое, не по пустыни: внутри меж стен семи сажень с полусаженью болших, да паперть полторы сажени; и длиною та церковь с трапезою и с папертью будет, оприч стен, девяти сажень, а с стенами — одиннадцати сажень и с лишком» (Соч. ЕА, с. 204).

Описанное сооружение, простиравшееся по оси восток-запад почти на 25 м, действительно было «не по пустыни», где подвизалось 12 насельников. Оно скорее соответствовало духу и масштабам храмового строительства Соловецкого монастыря середины XVI в. Замысел анзерской церкви был ориентирован на зодчество игумена Филиппа и обусловлен верой в пророчество игумена Иакова о будущем скита как «велией» обители.

Идеальным образцом многофункционального северного храма была каменная трапезная Успенская церковь, возведенная на Соловках под руководством игумена Филиппа в 1552-1557 гг. Конечно, речь не шла о повторении в скиту этого уникального сооружения с огромной (483 кв. м) одностолпной Трапезной палатой. Но предполагавшееся устройство при Анзерской церкви братской трапезы, двухъярусной паперти, подклета с печами и «казенками» (чуланами) вызывает в памяти по-

²⁰ Здесь и далее сочинения Елеазара Анзерского и документы о его строительной деятельности (Соч. ЕА) цит. по: *Севастьянова С.К.* Преподобный Елеазар, основатель Свято-Троицкого Анзерского скита. СПб., 2002.

греба, хлебопекарню, просвирню и другие службы в трапезном ансамбле игумена Филиппа (илл. 6-7).

Сооружение храмов, хозяйственное устройство и благоустройство обители были главными деяниями игумена Филиппа. Однако, «от юности бо смиреніемъ украшенъ и безмолвіе любя», он иногда удалялся «в пустыню на том же острове Соловецком», приходя в монастырь только для принятия Святых Христовых Таин (ЖмФ, с. 174). Иеромонах Никон, покинув Соловки и поступив в Кожезерскую пустынь, удалился по благословению настоятеля на «особный островъ» близ реки Виленги, где устроил себе келью и жил чином Анзерского скита, «по молитвѣ, подѣліе имяше рыбное ловленіе»²¹ (Известие, с. 9). Отходную Богоявленскую пустынь он построил себе, будучи уже патриархом, и вблизи Воскресенского монастыря в Новом Иерусалиме. Образцом сочетания разнообразной деятельности и пустынножительства был для Никона митрополит Филипп.

Будущий патриарх подвизался на уединенном острове около трех лет, до кончины настоятеля, после чего братья обители «молиша его прилѣжно» вернуться в монастырь, «да будетъ имъ игумень» (Известие, с. 9). В 1643 г. иеромонах Никон был поставлен настоятелем Кожезерской пустыни. Почти за сто лет до этого, в 1545 г., иеромонах Филипп стал игуменом Соловецкого монастыря. Духовно-исторические параллели в жизни подвижников начинают просматриваться с этого времени все более отчетливо.

Кожезерского настоятеля ждали, прежде всего, строительные работы: в 1636 г. в пустыни случился большой пожар, и обитель все еще не была восстановлена. Примечательно, что начало храмостроительной деятельности игумена Филиппа на Соловках тоже вызвал пожар, истребивший в 1538 г. деревянные монастырские сооружения.

В 1644 г. игумен Никон завершил сооружение церкви в Кожезерской пустыни. Сочетание практических навыков со склонностью к созерцательному подвижничеству, большой ум, сильная воля, глубокая религиозность, — все это позволило молодому царю Алексею Михайловичу и его духовнику Стефану Вонифатьеву увидеть в северном игумене того иерарха, на которого можно было возложить строительство в московском Ново-Спаском монастыре, родовой усыпальнице Романовых, грандиозного Преображенского собора, уже заложенного на месте обветшавшей церкви конца XV в.

В 1646 г. игумен Никон был поставлен архимандритом Ново-Спаского монастыря и приступил к сооружению главного храма обители (илл. 8). В этом же году на Соловках мощи митрополита Филиппа были извлечены из-под паперти Зосимо-Савватиевский церкви и перенесены в южную часть соловецкого Преображенского собора. Значимость этих совпадений, по крайней мере, в глазах патриарха Никона, очевидна. Он начинает работы над новоспасским Преображенским собором и, таким образом, возобновляет прерванную Смутным временем традицию мону-

²¹ Жизнеописание Патриарха Никона цит. по: Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шуперинным. М., 1871. Здесь и далее ссылки на изд. в тексте в круглых скобках с пометой **Известие**.

ментального церковного зодчества на Руси, лучшие образцы которого были представлены храмостроительством игумена Филиппа с его архитектурной вершиной — Преображенским собором Соловецкого монастыря.

Распространявшееся почитание священномученика Филиппа стало важным и благоприятным событием для духовной и царской власти. После извлечения мощей митрополита из-под спуда и возложения их в раку для поклонения была установлена дата местного празднования этого события — 31 мая. Соловецкий инок Герасим (Фирсов) составил *Службу перенесению мощей святителя*, предназначенную для общецерковного использования.²² Это способствовало появлению икон с изображением «нового исповедника» Филиппа. Известно, что именно такой иконой с изображением митрополита Стефан Вонифатьев благословил протопопа Аввакума, когда тот еще «попом бысть».²³

Упоминание о праздновании памяти святителя Филиппа вошло в Устав московского кафедрального Успенского собора вскоре после издания Минеи 1636 года.²⁴ Инициатором этого был патриарх Иоасаф I, пострижник Соловецкого монастыря († 1640). Его преемник патриарх Иосиф тоже внес свой вклад в почитание митрополита-мученика. Под его руководством в Москве трудился над составлением похвального *Слова святителю Филиппу* соловецкий книжник иеромонах Сергей (Шелонин), причем идея создания произведения, где митрополит представлен «явным» Златоустом, исходила непосредственно от патриарха.²⁵

*

* * *

Избрание в 1649 г. архимандрита Никона митрополитом Новгородским и Великолуцким ознаменовал новый период в его почитании святителя Филиппа. Для Никона-архиерея особое значение приобрела деятельность Филиппа-архипастыря. Митрополит Никон поддерживал постоянную связь с входившим в его епархию Соловецким монастырем, откуда ему была привезена частица мощей Филиппа — «з гортани костка».²⁶ Ни одна из трехсот с лишним подвластных новгородскому митрополиту обителей не получала от него столько грамот разного содержания, сколько получал Соловецкий монастырь.²⁷ Он указывал соловецкому настоятелю Илие (Пестрикову) на нестроения в жизни братии, увещевал, поучал, иногда гро-

²² Рамазанова М.В. «Руссаго светилника, Филиппа премудраго, восхвалим» (служба святому в источниках XVII-XVIII вв.) // *Рукописные памятники: публикации и исследования*. СПб., 1997. С. 7-49; Мельник А.Г. Гробница святого Филиппа, митрополита Московского, в XVII в. // *Соловецкое море: Историко-литературный альманах*. Архангельск, 2007. Вып. 6. С. 82.

²³ Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII-XIX вв. Новосибирск, 1985. С. 90, сн. 12.

²⁴ Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III. Ч. 1. С. 366-369.

²⁵ Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп. С. 198, 204, сн. 30.

²⁶ Сапожникова О.С. Неизвестные сочинения соловецкого книжника Сергея Шелонина // *Русь и славяне. Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А. Мошина (1894-1987)*. СПб., 1998. С. 348.

²⁷ Севастьянова С.К. Грамоты новгородского митрополита Никона в Соловецкий монастырь // *Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря* / Отв. ред. С.А. Семячко. СПб., 2004. С. 254-298.

зил наказанием. Возможно, владыка уже прозревал семена своеволия, из которых впоследствии в монастыре выросла раскольническая смута по поводу исправления церковных обрядов и богослужебных книг.

В 1650 г. в Новгороде вспыхнул бунт, во время которого митрополит Никон едва не лишился жизни, вразумляя мятежников, помышлявшим «отъ великаго Государя отступить и поддаться Польскому или Шведскому королямъ» (*Известие*, с. 18). В эти дни новгородский митрополит ежедневно совершал Божественную литургию, и его молитвенная деятельность нашла отражение в уникальной иконографической программе омофора, заказанного им после завершения мятежа. Новгородское восстание, в отличие от Псковского, обошлось без кровопролития, и в знак нерасторжимого единства Новгорода и Москвы на двух концах омофора были вышиты панорамы Детинца с предстоящими в молении новгородскими святыми, и Кремля с аналогичным изображением митрополитов Петра, Ионы, Алексия и Филиппа (*илл. 9-10*). Эта иконография, представлявшая «нового исповедника Филиппа» в ряду митрополитов Всероссийских, получила в дальнейшем широкое распространение.²⁸

В середине XVII в. в высшей иерархии Русской церкви началась смена поколений. Митрополит Никон принял участие в этом процессе, порекомендовав на кафедру архиепископа Рязанского своего ризничего Мисаила. Обычно в архиереи рукополагали настоятелей крупных монастырей, но уже митрополит Филипп в 1567 г. поставил архиепископом Ростовским и Ярославским своего казначея Корнилия, бывшего игумена Колоцкого монастыря под Можайском. Подобная практика использовалась нечасто, преимущественно во время сложных исторических обстоятельств, когда предстоятель Церкви особенно нуждался в поддержке архиереев-единомышленников. При митрополите Филиппе таким обстоятельством была опричнина, при Патриархе Никоне — церковная реформа. Примеру Филиппа последовал в 1652 г. еще один его почитатель — казанский митрополит Корнилий, чей казначей Макарий после избрания Никона патриархом был поставлен на Новгородскую кафедру. Сам же патриарх Никон своего ризничего Лаврентия, сменившего Мисаила, взял из Новгородского Софийского дома в Москву и в 1654 г. рукоположил в архиепископа Тверского и Кашинского. Все эти ставленники достойно несли свое архипастырское служение. Рязанский владыка Мисаил, тысячами крестивший татарское и мордовское население своей епархии, был в 1655 г. во время своей апостольской проповеди ранен стрелой из лука и скончался как мученик. Его местное почитание началось еще при жизни Патриарха Никона; сегодня архиепископ Мисаил почитается как общерусский святой.

Митрополит Филипп был для Никона и его сподвижников примером сохранения преемственности внутри церковной иерархии. Этим был отмечен весь период игуменства святителя, особо почитавшего основателей Соловецкого монастыря. Его трудами были собраны, починены и подписаны принадлежавшие преподобным Зосиме и Савватию иконы, книги, ризы и другие святыни, которые благоговейно использовались при богослужении и в келейном обиходе.

²⁸ Зеленская Г.М. Патриарх Никон — зодчий Святой Руси. М., 2011. С. 47-51.

В 1545 г. по заказу игумена Филиппа была написана Боголюбская икона Пресвятой Богородицы с предстоящими Ей в молении преподобными Зосимой и Савватием с нимбами и с 29-ю клеймами их жития на полях.²⁹ В правом верхнем углу средника представлен Христос благословляющий, ниже соловецких чудотворцев изображены живые и почившие насельники обители. По мнению архимандрита Макария (Веретенникова), составителем иконографической программы образа был сам игумен Филипп. Икона свидетельствует о богословских воззрениях будущего митрополита: ее главное содержание — молитвенное общение мира горнего и земного.³⁰ Совместное вневременное обращение родоначальников и насельников обители к Пресвятой Богородице, возносящей их молитвы к Христу, — это также образ церковного единства (илл. 11).

Игумен Филипп придавал огромное значение перенесению в 1465 г. в Соловецкий монастырь мощей преподобного Савватия (†1435), скончавшегося на реке Выг и там же первоначально погребенного. Когда будущий митрополит устроил в соловецком Спасо-Преображенском соборе придел в честь чудотворцев Зосимы и Савватия, он заказал в новгородской мастерской две деревянные раки для их мощей, где на крышке находится рельефное изображение святого, а на стенках — резные клейма со сценами его жития. Композиции на раке преподобного Савватия близки клеймам на Боголюбской иконе, но четыре изображения не встречаются в житийных иконописных образах. Это история перенесения мощей Савватия игуменом Зосимой на Соловки (илл. 12-13).³¹ Раки с мощами святых были установлены в Зосимо-Савватиевском приделе, освященном 6 августа 1566 года, и будущий патриарх Никон, бывая в Соловецком монастыре, видел их, также как и Боголюбскую икону Божией Матери. Являясь почитателем и последователем соловецких основателей, митрополит Филипп позже воздвигнет в московском Кремле храм в их честь; одновременно с этим, как предстоятель Церкви он действовал, подражая митрополиту Макарию, «усердно потщася послѣдовати честнымъ стопамъ его» (ЖмФ, с. 181).

С низложением Филиппа духовная преемственность на первосвятительском престоле надолго прервалась. Показателем этого стало прекращение погребений всероссийских митрополитов, а затем и патриархов в Успенском соборе Кремля. После митрополита Макария (†1563) и до Патриарха Филарета (†1633) четыре митрополита (Филипп, Кирилл, Антоний, Дионисий) были похоронены вне Москвы. Предшественник святителя Филиппа митрополит Афанасий покоился в Чудовом монастыре. Первый патриарх Иов (†1607) умер в изгнании и был погребен в Старицком монастыре. Патриарх Ермоген (†1612) скончался мученической смертью в Чудовой обители, где и был похоронен. Обличением царской власти и укором архиереям звучало в середине XVII в. сбывшееся пророчество Филиппа:

²⁹ *Маясова Н.А.* Памятник с Соловецких островов. Икона «Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия. 1545. Публикация одного памятника. Л., 1969.

³⁰ *Макарий (Веретенников), архим.* Святители Московские Макарий и Филипп // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. научных статей. Вып. II. М., 2005. С. 7-9.

³¹ *Соколова И.М.* Русская деревянная скульптура XV-XVIII веков. Каталог. М., 2003. С. 80-98.

«Настойть бо время, яко въдовство приять церковь, пастырие, яко наемницы, презираеми будутъ, ниже совершенно сѣдалище кто удержитъ и во святѣй сей церквы Божия Матере погребень будетъ» (ЖмФ, с. 194).

Воссоединение своих предшественников в месте, предназначенном для их погребения, зримое восстановление преемственности в Церкви было главной задачей русской иерархии, начавшей 17 февраля 1652 года соборные обсуждения вопроса о перенесении в московский Успенский собор мощей святителя Филиппа, патриархов Иова и Гермогена. Едва ли случайно, что дата начала соборных обсуждений пришлась на дату кончины патриарха Гермогена (†17.02.1612).

В перенесениях мощей, совершавшихся с великой торжественностью, приняли участие архиереи тех епархий, где были погребены первосвятители. Царь писал Никону, что мощи патриарха Иова, которые от села Тушина до Москвы несли на главах стрельцы, встречали патриарх Иосиф с царем Алексеем Михайловичем и

«со всѣм освященным собором и со всѣм государством, отъ мала до велика. И многолюдно таково было, что не вмѣстилися от Тверскихъ воротъ по Неглинские ворота. И по кровлямъ, и по переулкамъ яблоку негдѣ было упасть [...] Старые люди говорить, лѣтъ за семьдесятъ не помнятъ такой многолюдной встречи».³²

Новгородский митрополит Никон в это же время и столь же торжественно вез из Соловецкого монастыря в Москву мощи святителя Филиппа. Можно сказать, что это перенесение готовилось 15 лет, поскольку уже в Службе 1636 года звучали слова:

«Подобаетъ цѣтвѣющему градѣ москвѣ . филиппа вездѣ имѣти архіерѣа , ꙗко нѣкъю оутварь цѣквю , ꙗ сокровище некрадомо».³³

В царской грамоте, прочитанной от имени государя Никоном у гроба митрополита в Спасо-Преображенском соборе, самодержец молил Филиппа «разрѣшити согрѣшение» царя Иоанна Васильевича, нанесенное на него «неразсудно завистию и не-удержаниемъ ярости». Алексей Михайлович уверял, что ныне в царстве благодать Божия «присно изобильствует» и в пастве уже нет «никотораго раздѣления».³⁴

Сосредоточение в Успенском соборе мощей русских первосвятителей было событием государственного значения, и его не обошли вниманием находившиеся в России иностранные агенты: швед Иоганн де Родес³⁵ и голштинский посол Адам Олеарий.³⁶ Почитание митрополита Филиппа и первых всероссийских патриархов, пострадавших в Смутное время, органично вписывалось в процесс *translatio religionis*, характерный для начала царствования Алексея Михайловича. Собрание

³² Цит. по: Памятники литературы Древней Руси: XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 502-503.

³³ Миней служебная. Декабрь. Л. 4 (вторая пагин.).

³⁴ Памятники литературы Древней Руси... С. 500.

³⁵ Куриц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1995. С. 99.

³⁶ Епатко А.Ю. Адам Олеарий о прп. Филиппе // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск, 2007. Вып. 6. С. 161; Олеарий Адам. Подробное описание Голштинского посла в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием // Там же. С. 162.

христианских святых и перенесение в столицу мощей иерархов свидетельствовали о стремлении превратить Москву в центр православного мира.³⁷

Для Никона поездка за святыми мощами Филиппа стала развитием его монашеского поиска, неразрывно связанного с митрополитом через молитвенное общение, постижение его подвигов и трудов, свободно избранным и, вместе с тем, predetermined следованием ему как духовному образцу. Перенесение мощей единственного первосвятителя, кто к тому времени уже был канонизован, осмыслялось митрополитом Никоном в контексте исторических первообразов. Эта характерная особенность мышления будущего Патриарха нашла отражение в грамоте царя Алексея Михайловича, адресованной митрополиту Филиппу и написанной при участии Никона. Образцом для нее послужило молитвенное послание, с которым византийский император Феодосий обратился к мощам скончавшегося в изгнании святителя Иоанна Златоуста, когда повелел перенести их из Коман в Константинополь.

Митрополит Никон соединил свою поездку на Соловки с архипастырским обзором епархии. Он посещал монастыри, служил в приходских церквях, рукополагал ставленников. 9 мая, в праздник перенесения мощей Николая Чудотворца из Мир Ликийских в Бари, Никон совершил всенощное бдение и Божественную литургию в холмогорском храме во имя святителя Николая. 14 мая он отслужил напутственный молебен в Николо-Корельском монастыре в устье Двины под Архангельском и уже ночью отплыл на Соловки.³⁸ Молитвенное обращение к святителю Николаю перед неблизким и опасным морским путем восходило к еще одному событию. В майской службе Чудотворцу поется:

«На хрѣвѣтъ морскіи || всѣдъ со бѣгоговѣйными мѣжи . многѣ пѣчинѣ прешѣдъ , ко градѣ барскѣ пришѣлъ еси , бѣженне николае».³⁹

Как полагает Д.Ф. Полознев, перенесение мощей митрополита Филиппа должно было вызывать у современников ассоциацию с перенесением мощей Николая Чудотворца⁴⁰ — любимого и повсеместно чтимого на Руси святого, деревянная церковь в честь которого существовала в Соловецком монастыре с середины XV в., а после сооружения в конце XVI в. каменного храма с тем же посвящением она была перенесена на Анзерский остров.⁴¹

Во время поездки на Соловки Никон удостоился двух видений митрополита Филиппа. Одно из них случилось после получения им письма царя Алексея Михайловича о кончине Патриарха Иосифа (†15 апреля 1652). Владыка был поражен этой внезапной вестью и отвечал государю:

³⁷ Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 102-103.

³⁸ Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003. С. 40.

³⁹ Миняя служебная. М., 1626. Май. Л. 142об.-143.

⁴⁰ Полознев Д.Ф. Канонизация митрополита Филиппа. С. 287.

⁴¹ Описи Соловецкого монастыря XVI века. СПб., 2013. С. 173.

«И якожь вѣруеть святое твое благородие, воистину не солгавъ, истину о себѣ скажу, бежати ми было сотвори, аще великимъ таковь исход нѣмилостивень! А азъ, грѣшный, гдѣ явлюся! И аще не бы святой Филиппъ митрополить явлѣниемъ своимъ утвердиль в то жь время. Мало ми воздремавшу, и се вижу святаго отца Филиппа митрополита по обычаю в раки лежаща. И отъкрывъ самъ покровъ, на немъ лежащий, вельми свѣтло святое лицѣ его явися таковь образомъ, яко пишется на иконѣ. И восклонся, яко сѣсти хотя. И глагола ми: “Миръ ти, братие”, и паки возлѣже. И паки восклонся, и сядѣ прямо, и глаголя ми: “Миръ ти, брате, и не отходи отъ мѣне”. Азъ же мняся, стоя, и, не смѣя приблизитися, глаголя: “Прости мя, владыко святой, яко за многая своя согрешения къ твоей святыни приближи ти ся не смѣю”. Онъ же глаголя ми: “Прииди!” И паки возлѣже. Азъ же, возбнувъ, страшень велми бывъ» (Посл. ПН, с. 366).

Слова святителя Филиппа были поняты Никоном как утешение и укрепление, поддерживавшее его в минуты душевного смятения. Но это видение можно понимать и как призыв митрополита к своему собрату прийти и быть в ряду с ним на первосвятительском престоле Русской Церкви, что вскоре и произошло.

Путь Никона с мощами Филиппа в Москву сопровождался многими остановками. Первая из них — на Большом Заяцком острове, где приводили в порядок суда, длилась два дня. Путников приютила валунная гавань, построенная игуменом Филиппом в 1561 г. вместе с каменной палатой для приезжих и поварней (илл. 14-17).

Никон никогда более не бывал на Соловках. 7 июня 1652 г., в праздник Святой Троицы, он увез с собой не только раку с драгоценной святыней, но и память о деяниях и творениях соловецкого игумена, которые ему предстояло положить в основу собственных замыслов по строению и устройению монастырей. У митрополита Никона зрело намерение основать в своей епархии, на Валдае, новую обитель, и, размышляя об этом, он впоследствии вспоминал:

«многимъ тцаніемъ и болѣзненнымъ трудомъ и нужнымъ плаваніемъ, шествуя моремъ, въ тонокъ сонъ сведень быхъ, и видѣхъ сего святаго Филиппа митрополита, способствующа и укрѣпляюще [...] на сіе благое дѣло».⁴²

Пробудившись от сна, Никон дал обет воздвигнуть на острове Валдайского озера церкви и устроить монастырь во имя Иверской иконы Богородицы и святителя Филиппа.

Вторая остановка со святыми мощами была на острове Кий, расположенном в середине архипелага в юго-восточной части Онежского залива. Обет воздвигнуть здесь монастырь Никон дал Богу еще иеромонахом. Покинув Анзер «в маломъ кораблець» (Известие, с. 7), он был застигнут в море бурей и едва не погиб, но лодку чудесным образом выбросило на Кий-остров. Теперь, увидев в сохранности близ берега крест, собственноручно им водруженный «на воспоминаніе того сво-

⁴² Цит. по: «Настольная грамота, данная патриархомъ Никономъ, архимандриту Валдайскаго Иверскаго монастыря Діонисію. 1654 года» // Акты Иверскаго Святоозерскаго монастыря (1582-1706), собранные о. архимандритомъ Леонидомъ. Пб., 1878. (Русская историческая библиотека. Т. 5.) Стлб. 83.

его спасения», он снова дал обет устроить на этом пустынном месте, теперь освященным не только крестом, но и пребыванием здесь мощей святителя Филиппа, иноческую обитель «во имя честнаго и животворящаго Креста и святаго Священномученика Чюдотворца Филиппа Митрополита» (илл. 18-19).⁴³

Избрание святителя Филиппа небесным покровителем и духовным ктитorem планируемых монастырей означало для будущего Патриарха следование тем богословско-зодческим идеям, которые воплощал в своем храмостроительстве сам Филипп, тогда — соловецкий игумен, и тем принципам, по которым обустроивалась и преображалась иноческими молитвами и трудами суровая земля Беломорья.

*

* * *

Интронизация Патриарха Никона совершилась 25 июля 1652 года. В этот день Церковь празднует память преподобного Макария Желтоводского. Вместе с тем, 25 июля — это день возведения игумена Филиппа в сан митрополита (илл. 20).

Как известно, игумен Филипп поставил условием своего избрания на кафедру отмену царем Иваном Грозным опричнины. Он требовал,

«чтобъ Царь и Великій Князь отставилъ опришнину; а не отставитъ Царь и Великій Князь опришнины, а ему въ Митрополитехъ быти не возможно».

Государь, в свою очередь, требовал от кандидата на Первосвятительский престол не вмешиваться в дела опричнины и «въ домовою ему Царьскою обиходъ вступатися не велѣлъ». Вместе с тем, самодержец сделал существенную уступку:

«и за то бы Игумень Филиппъ Митропольи не отставливалъ, а совѣтовалъ бы с Царемъ и Великимъ Княземъ, какъ прежній Митрополиты совѣтовали съ отцемъ его Великимъ Княземъ Васильемъ, и зъ дѣдомъ его Великимъ Княземъ Иваномъ».⁴⁴

Соглашение было достигнуто путем обоюдного компромисса. По мнению В.А. Колобкова, согласие царя слушать совет митрополита

«означало признание единства Церкви и царства, с вытекающими отсюда обязанностями государства и ответственностью государя перед духовенством».⁴⁵

Принцип «симфонии», нарушенный предшественником святителя Филиппа митрополитом Афанасием, ушедшим на покой в знак протеста против бесправия

⁴³ Цит. по: «1656 Июня 13. Царская грамота Каргопольскому воеводѣ Ѳедору Малыгину о дозволеніи Патриарху Никону построить на Кіѣ-островѣ Крестный монастырь» // Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссіею. СПб., 1842. Т. 4: 1645-1676. № 103. С. 245; ср.: Никон, Патриарх Московскій и всея Россіи. Грамота о Крестном монастыре. М., 1656. Л. 4; Лаврентій (Далматов), архим. Краткое известіе о Крестном Онежском Архангельской епархійи монастыре. М., 1805. С. 23-25.

⁴⁴ Цит. по: «Приговоръ о избраніи на Московскую Митрополію Соловецкаго монастыря Игумена Филиппа... Писанъ 1566 года, Іюля 20 дня» // Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813. Ч. 1. № 193. С. 557.

⁴⁵ Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004. С. 112.

Церкви, вынужденной лишь покорно исполнять царскую волю, был на время восстановлен.

Следуя примеру Филиппа, Никон тоже поставил условия, на которых он соглашался принять патриаршество. Это было соглашение с государем о том, что «царь отнюдь не будетъ заниматься дѣлами церкви и духовенства, ибо предшествовавшие цари этимъ занимались», — излагал суть договора Павел Алеппский и продолжал, — «Когда состоялось соглашение касательно этого, Никонъ издалъ царскій указъ о томъ, что слово его будетъ рѣшающее и что никто не вправѣ ему противиться».⁴⁶

В день интронизации патриарха Никона у святых мощей митрополита Филиппа совершилось два исцеления. «Реки чудес», истекавшие от гроба святителя, засвидетельствовали богоугодность избрания Никона на первосвятительский престол. Патриарх Никон был в глазах своих сторонников духовным наследником святого митрополита, и неслучайно царь Алексей Михайлович вскоре после интронизации поднес предстоятелю Церкви золотую митру-корону и образ святителя Филиппа.

Впоследствии для патриарха Никона по заказу государя был изготовлен белый клобук «на греческое дело», с шитыми изображениями святых, обнизанными по контуру жемчугом. На *очелье* выполнен трехфигурный Деисус, на *воскрилиях* в четырех клеймах — вселенские учителя и святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, московские митрополиты Петр, Иона, Алексий, Филипп и небесный покровитель царя преподобный Алексий, человек Божий. Навершие клобука оформлено в виде восьмиконечной звезды, расшитой драгоценными камнями и жемчугом, и увенчано крестом с эмалевым изображением Распятия.⁴⁷ Иконографическая программа клобука, составленная, несомненно, самим Никоном, воплощает образ вселенского Православия и соответствует посвящению церковью Патриаршего дворца (**илл. 21**).

Став Патриархом, Никон стремился следовать византийским учениям о «симфонии» властей, обосновывая ими свои представления о пастыре, чья главнейшая обязанность — духовное назидание паствы. В этом он тоже следовал митрополиту Филиппу, все наставления, поучения и обличения которого, обращенные к царю, были продиктованы попечением о спасении государевой души. «Наше молчание грѣхъ души твоей налагаетъ, и всеродную наноситъ смерть»; «Не о тѣхъ скорблю, иже кровь свою неповинно проливають и скончѣваются мученически [...] но имѣхъ попечение и блюдохом о твоємъ спасении», — говорил митрополит Филипп царю (**ЖмФ**, с. 187, 190). О пастырском долге открыто «исправлять истину» напоминал Филипп архиереям на церковном соборе 1568 года:

⁴⁶ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, написанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / Пер. с арабского Г. Муркоса. М., 1898. Вып. 3. С. 47.

⁴⁷ Бушуева Н.В. Клобук // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты: из собраний Государственного Исторического музея, музея-заповедника «Московский Кремль», музея «Новый Иерусалим», Кирилло-Белозерского музея-заповедника, музея-заповедника «Коломенское», Российского государственного архива древних актов. М., 2002. С. 72-73; Крест в России. Альбом / Авт.-сост. С.В. Гнутова. М., 2004. № 9. С. 44.

«На се ли совокупистесе, отцы и братия, еже молчати? Что устрашаетеся? Еже правду глаголати, ваше убо молчание цареву душу влагаетъ въ грѣхъ, а свои души — на горшую погибель, а православнѣи вѣре — на скорбь и на смущение [...] Да вѣсте, ваше преподобство, яко на се учинены есмы, еже исправляти всяку истинну» (ЖмФ, с. 184).

Слова митрополита почти буквально совпадают с высказываниями патриарха Никона о том, что пастырский долг обязывает его обращать внимание царя на нарушения им церковного и светского законодательства. Отвечая на требование, чтобы он, оставив кафедру, «впредь къ великому государю о такихъ духовныхъ дѣлѣхъ не писалъ [...] и ему въ тѣ дѣла вступаться письмами своими возмущати недостойтъ», Никон писал:

«Въ прежнихъ де давныхъ лѣтѣхъ ко благочестивымъ царемъ христіанскимъ греческаго царствія о исправленіи духовныхъ дѣлъ и пустынницы возвѣщали, а онъ де удь соборные и апостольскіе церкви, ни за какія вины не отторгнутый, толко своею волею оставилъ паству, а попеченія о истинѣ не оставилъ, и впрредь о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, услышитъ, молчать не учнетъ».⁴⁸

Известно, что избранные митрополиты всея Руси после своего возведения в сан обращались к государю со *Словом*, которое должно было свидетельствовать о них как молитвенниках о душевном спасении царской семьи и всех православных христиан. Речь митрополита Филиппа, известная по его *Житию*, была, прежде всего, духовно-нравственным поучением, учитывающим историческую обстановку на Руси того времени и особенности личности царя. В частности, Митрополит говорил:

«Яко и кормчій бодрствуетъ всегда, тако и царьскій многоочитый умъ содержай твердо добраго закона правило, и иссушая крѣпко беззаконія потоки, да корабль всемирныя жизни не погрязнетъ волнами неправды. Приемли благая, совѣщевати хотящая, а не ласкание творити всегда тщащаяся: овии бо полезное воистинну соблюдаютъ, друзии же на угождение владушимъ взирают. Паче всея славы царствія — добротчестіе царя вѣнецъ украшаетъ» (ЖмФ, с. 180).

Митрополит Филипп в своих назиданиях царю использовал труды византийских авторов, в первую очередь — «Поучение диакона Агапита императору Юстиниану» (VI век) и «Повесть о Варлааме и Иоасафе» (VIII век). Патриарх Никон на основе «Нравственных правил» Василия Великого (IV век) составил «Наставление царю», в предисловии к которому просил Алексея Михайловича «милостиво сие тетрати приняти», прочитать «нужнѣишиа заповеди», «без нихже невозможно всякому христіанину спастися».⁴⁹

Важнейшей особенностью проповеди обоих первосвятителей было их стремление наставлять паству не только через слово, но и посредством всех видов церков-

⁴⁸ Историческое исследование дела патриарха Никона / Сост. по офиц. документам Н.А. Гиббенет. СПб., 1882. Ч. 1. С. 192.

⁴⁹ *Севастьянова С.К.* Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». С. 339.

ного искусства. Связанные с именами митрополита Филиппа и патриарха Никона произведения зодчества, стенописи, иконописи, *ценинного*⁵⁰ и колокольного дела выделяются особыми иконографическими программами и глубокой богословской идеей. Так, в иконе Божией Матери «Боголюбской» 1545 г. нарративный аспект усилен добавлением на нижнем поле клейм с изображениями на тему притч из *Жития индийского царевича Иоасафа и пустытника Варлаама*, что вносит в образ элементы апофатического богословия.⁵¹

Иконостас Успенской церкви Соловецкого монастыря, освященной игуменом Филиппом в 1557 г., состоял из икон престольных праздников обители, но и здесь находился также «образ на краске Варлам да Асаф царевич шти пядей на краске».⁵² Это редкое для алтарной преграды изображение «возводило ум» все к той же «Повести о Варлааме и Иоасафе», отразившей представления об идеальном царстве. На северных воротах был написан святой пророк Даниил, воплощающий в Священном Писании тему «пророк и царь». Особенности иконографического состава иконостаса связаны, несомненно, и с устройением во втором ярусе Успенской церкви придела в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи — небесного покровителя царя Ивана Грозного.

Столь же символичной была священная топонимика и программа внутреннего убранства храмов, сооруженных Никоном после его интронизации. Особо интересен в этом отношении Патриарший дворец с Крестовой палатой и четырьмя церквями. Возведение этого комплекса происходило в 1652-1655 гг., а оформление интерьеров продолжалось до 1658 г., что совпадает, с разницей в столетие, с датами строительства игуменом Филиппом трапезной Успенской церкви на Соловках. Работы в Кремле велись на митрополичьем дворе и на дворе Бориса Годунова, подаренном царем Алексеем Михайловичем патриарху Никону. На этой обширной территории, расположенной к северу от Успенского собора, находились более ранние сооружения. В их числе — построенный здесь в 1566 г. митрополитом Филиппом храм преподобных Зосимы и Савватия с приделом апостола Филиппа. Над воротами двора стояла церковь в честь Трех московских святителей Петра, Алексея и Ионы, сооруженная в конце XVI в. патриархом Иовом, по инициативе которого «с согласия Собора и соизволения государя» в 1595 г. и был установлен праздник в честь святителей Петра, Алексея и Ионы. На месте всех перечисленных строений патриарх Никон возвел великолепное здание Патриаршего дворца, соединенное переходами с Успенским собором и включившее в себя, помимо церквей, административные, хозяйственные и жилые помещения. Крестовая палата — парадная зала дворца — явилась свидетельством достойного продолжения традиций монументального зодчества игумена Филиппа: впервые в строительной практике Руси пространство размером в 280 м² было перекрыто сомкнутым сводом без опорного столпа в центре (илл. 22).

⁵⁰ Т.е. производство глазированных, муравленных глиняных изделий самой разнообразной формы, особенно изразцов.

⁵¹ Макарий (Веретенников), архим. Святители Московские Макарий и Филипп. С. 9.

⁵² Описи Соловецкого монастыря XVI века. С. 70.

Посвящение главного храма дворца Живоначальной Троице соответствовало иерархическому положению Патриарха и напоминало о перенесении мощей митрополита Филиппа, начатом в день Святой Троицы.⁵³ Повседневные богослужения совершались обычно в небольшой церкви, освященной в честь московских святителей, которых теперь стало четыре: Петр, Алексей, Иона и Филипп. Стенописи храма изображали этих митрополитов и всех Патриархов Всероссийских, включая Никона, что воплощало идею духовного единства и преемственности высшей иерархии Русской Церкви. Посвящение домовых церквей Патриарха Иова и митрополита Филиппа (т.е. в честь Трех русских святителей и в честь Зосимы и Савватия соловецких) было бережно сохранено. Третья церковь имела необычное двойное посвящение, указанное на антиминсе самим храмоздателем в 1655 г.: во имя апостола Филиппа и святителя Филиппа.⁵⁴ Для церкви была написана местная икона Пресвятой Богородицы «в молении святого апостола Филиппа да Филиппа митрополита».⁵⁵

Почитание митрополита-исповедника прослеживается в разных сферах деятельности патриарха Никона до его ухода с кафедры. Создаются новые варианты *Жития митрополита Филиппа*, Хронографическая редакция которого включается как исторический источник в составленный при патриаршей кафедре *Летописный свод* 1652 г.⁵⁶ В *Летописный свод* под тем же годом была внесена статья о перенесении Никоном мощей митрополита Филиппа. В домовой казне Патриарха хранилась книга с *Житием митрополита Филиппа* «местами в лицах» и его икона «на золоте».⁵⁷ В 1653-1657 гг. иконописцы Афанасий Фомин и Леонтий Остафьев написали более десяти икон митрополита Филиппа, которые дарились как патриаршее благословение. В 1654-1655 гг. иконописец Гавриил Афанасьев Кондратьев написал икону митрополита Филиппа для Успенского собора — «стоять у раки» с его мощами.⁵⁸

⁵³ Патриарх Никон не успел оформить интерьер Троицкого храма. Главная церковь Дворца была освящена Патриархом Иоакимом в 1681 г. в честь Двенадцати апостолов.

⁵⁴ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию. Вып. 4. С. 104, 105; *Тиц А.А.* Новые данные о патриаршем дворце // *Архитектурное наследие*. М., 1962. Вып. 14. С. 84-85; *Романенко А.И.* Один из этапов строительства патриарших палат // *Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования*. М., 1976. Т. 2. С. 110-115; Царь Алексей Михайлович и Патриарх Никон. «Премудрая двоица». М., 2005. № 141. С. 186.

⁵⁵ *Словарь русских иконописцев XI-XVII веков* / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2003. С. 263.

⁵⁶ *Лаврентьев А.В.* Летописный свод 1652 г. как источник для изучения русской средневековой повести XV-XVII вв. // *Русская книжность XV-XIX вв.* М., 1989 (Труды ГИМ. Вып. 71). С. 164-182; *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа. С. 99-120.

⁵⁷ *Беляев И.Д.* Переписная книга домовой казны патриарха Никона // *Временник Императорского Московского Общества истории и древностей Российских*. М., 1852. Кн. 15. С. 114, 113.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 235, оп. 2. Д. 34, л. 157-157об., 159об., 160об.-161, 162об., 163об., 164об., 165; Д. 36, л. 251об., 252об., 253, 259; Д. 38, л. 410об., 413, 414; Д. 41, л. 156об.; *Успенский А.И.* Словарь патриарших иконописцев // *Записки Московского Археологического института*, изданные под ред. А.И. Успенского. М., 1917. Т. 30. С. 45-46, 66, 102; *Словарь русских иконописцев XI-XVII веков*. С. 263, 351.

Патриарх Никон был собирателем мемориальных вещей митрополита Филиппа, а также распорядителем частиц его святых мощей и гроба. Здесь он продолжал традицию самого митрополита Филиппа по отношению к наследию преп. Зосимы и Савватия. Никон, несомненно, принимал участие в облачении мощей митрополита при перемещении их из-под спуда в специально изготовленную раку, установленную на солее у южной стены Успенского собора. 18 февраля 1993 г. при освидетельствовании мощей святителя Филиппа Комиссией Московской Патриархии, в раке, лишившейся своего драгоценного убранства в 1812 г., было обнаружено полное архиерейское облачение — омофор, саккос, епитрахиль и подризник. По мнению исследователей, подризник был создан специально для святых мощей в середине XVII в., а остальные предметы облачения относятся к XVI столетию. Вероятно, они происходили из ризницы собора и были связаны если не с именем митрополита, то с его временем (илл. 23-24).⁵⁹

Частицы мощей «нового исповедника» Филиппа распространялись по благословению Патриарха Никона в Москве и по всей России. В 1652 г. в церкви свв. Космы и Дамиана, находившейся в Московском Кремле близ Чудова монастыря и разобранный в 1801 г.,⁶⁰ был устроен придел в честь митрополита Филиппа. Сохранился вложенный в этот храм царем Алексеем Михайловичем и царицей Марией Ильиничной благословенный крест с частицей мощей митрополита.⁶¹

Как святыня почитался и гроб, в котором мощи Филиппа были доставлены из Соловецкого монастыря в Москву. Известно, например, что 23 января 1653 г. в Иосифо-Волоколамском монастыре в приделе в честь самого Иосифа («в дом Пречистой Богородицы Честнаго Ея Успения, в Иосифовъ монастырь, в придель к чудотворцу Иосифу») при архимандрите Иове (1652-1654) был возведен («сооружен») крест с мощами разных святых и «с частью от гроба Филиппа, митрополита Московского».⁶² Гроб хранился в столице до 1655 г., когда по просьбе Тверского архиепископа Лаврентия был отдан патриархом Никоном в Желтиков монастырь для помещения в него мощей святителя Арсения, епископа Тверского (†1409).⁶³

Возможно, с Никоном связан замысел изготовления деревянных резных рак для мощей московских святителей и горельефным изображением их фигур на верхней крышке. Образ митрополита Филиппа, представленного в полном архиерейском облачении, с благословляющей десницей и с раскрытым Евангелием в левой руке, с сосредоточенным и благожелательным выражением лица выразителен, прост и «яко жив». Источником замысла могли послужить резные раки для мощей преподобных Зосимы и Савватия, но работа осталась незавершенной, — вероятно, по

⁵⁹ Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов. М., 2000. С. 215-218.

⁶⁰ *Снегирев И.М.* Москва. Подробное историческое и археологическое описание города. М., 1875. Т. 2. С. 14, 20.

⁶¹ Царский храм. Святыни Благовещенского собора в Кремле. М., 2003. С. 176.

⁶² Цит. по: *Геронтий (Кургановский) архим.* Волоколамский Иосифов второклассный мужской монастырь и его современное состояние. СПб., 1903. С. 77.

⁶³ *Титов А.А.* Тверские епископы. М., 1890. С. 15, 23.

причине двуперстного благословения святителей, что было нежелательной деталью изображения ввиду начавшихся церковных реформ (илл. 25).⁶⁴

Для всех основанных патриархом Никоном монастырей — Крестного на Кий-острове, Иверского на Валдае и Воскресенского в Новом Иерусалиме митрополит Филипп был, как говорилось ранее, духовным ктитorem, которому посвящались отдельные и придельные церкви. По признанию Никона, окончательное решение о строительстве Ивера он принял 3 июля 1653 года «на память перенесения мощей» митрополита Филиппа, во время всенощной службы в Успенском соборе Кремля.⁶⁵ В октябре того же года в Иверском монастыре были сооружены и готовились к освящению две деревянные церкви: соборная холодная в честь Иверской иконы Божией Матери и теплая с трапезной во имя митрополита Филиппа.⁶⁶ А 19 августа 1655 года антиохийский Патриарх Макарий совершил в новопостроенном каменном Успенском соборе Иверской обители закладку трех престолов с водружением подпрестольных крестов: главного в честь Успения Пресвятой Богородицы и двух придельных — во имя святителя Филиппа и преподобного Иакова Боровичского.⁶⁷ В 1654 году, когда Патриарх Никон собирался в свою первую поездку на Валдай, ему во сне явились митрополиты Петр, Иона и Филипп. Патриарх воспринял это как указание свыше и взял с собой частицы мощей святых чудотворцев Петра, Алексия и Ионы, а также ковчег с частицей мощей митрополита Филиппа.

Строительство второго обетного монастыря Патриарха Никона — Ставроса на Кий-острове — началось в 1656 году. В царской грамоте от 13 июня каргопольскому воеводе Федору Малыгину было указано по челобитью Никона

«поставить церковь и монастырекъ соградить во имя честнаго и животворящаго Креста и святаго Чудотворца Филиппа митрополита, и жити ту инокомъ, взявши крестъ свой на рамо и послѣдовати Распятому на крестѣ Иисусу Христу».⁶⁸

Вскоре на Кий-остров Патриархом Никоном был послан кипарисовый крест «в меру» Креста Господня, куда были вложены палестинские реликвии и до трехсот частиц мощей восточнохристианских и русских святых. В этом драгоценном ковчеге находится частица мощей святителя Филиппа и серебряная вызолоченная пластина-образок с его гравированным изображением.⁶⁹ Знаменательно, что патриарх Никон сам сопровождал новую святыню из Успенского собора Кремля до Филиппова Креста, водруженного на месте встречи в Москве мощей митрополита в 1652 году (илл. 26-27).

Крестный монастырь находился под покровительством двух иерархов — своего небесного патрона митрополита Филиппа и своего земного устроителя патриарха

⁶⁴ Соколова И.М. Русская деревянная скульптура XV-XVIII веков. С. 176-186.

⁶⁵ Рай мысленный. Иверский монастырь, 1658-1659. Л. 52, 53об.

⁶⁶ Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582-1706). С. 4.

⁶⁷ Об этом событии сделана надпись на кресте: РГАДА. Ф. 153, оп. 1. Д. 32.

⁶⁸ Цит. по: «1656 Июня 13. Царская грамота Каргопольскому воеводѣ Федору Малыгину...» // Акты исторические. Т. 4. С. 245; ср.: СПб ФИРИ РАН. Колл. 172. Д. 211; РГАДА. Ф. 1195, оп. 8. Д. 8, 9

⁶⁹ Гнутова С.В. Кийский Крест // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты. С. 72-73; Крест в России. Альбом / Авт.-сост. С.В. Гнутова. М., 2004. С. 270-275.

Никона. Об этом свидетельствуют многочисленные изображения митрополита Филиппа и патриарха Никона в его храмах и приделах. Согласно *Описи* 1823 года, в соборной Крестовоздвиженской церкви «около церковных столпов» находилась икона «Филиппа митрополита, на нем два венца резных и оклад, весу 13-ть золотников», а в иконостасе, к северу от Царских врат, — образ Святителей Петра, Алексия, Ионы и Филиппа в молении ко Спасителю, «оклад по полям и два венчика басменные, весом 10 золотников». Исследователи полагают, что патриарх Никон устроил в обители деревянную церковь во имя святителя Филиппа — придел трапезного деревянного храма в честь Собора Архистратига Михаила. Впоследствии оба эти престола были перенесены на хоры каменного собора Воздвижения Креста Господня. В иконостасе Филипповского придела, освященного в 1710 году, находился «храмовый образ Святителя Филиппа, митрополита Московского». В каменной трапезной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, сооруженной в XVIII веке, на южной стене размещался большой образ с изображением Николая Чудотворца, митрополитов Филиппа Московского и Димитрия Ростовского.⁷⁰

Особый интерес представляет история серебряной вызолоченной утвари храма (потир, дискос со звездицей и два блюда), отмеченных в той же *Описи Крестного монастыря*. На потире была выгравирована вкладная надпись:

«162-го г. (1654) Августа в 24-й день. Положила Марфа Петрова сосуды церковные на Коломне Симеона Богоприимца к Филиппу Митрополиту по своих родителей». ⁷¹

Возможно, литургический набор был передан в Ставрос именно Патриархом Никоном, но этот вопрос нуждается в специальном исследовании.

Иконописные и живописные изображения небесного покровителя монастыря соседствовали в храмах Крестного монастыря с изображениями основателя обители патриарха Никона. Самое раннее из них, середины XVII в., находилось на одной из двух икон, стоявших по сторонам Кийского Креста-мощевика и составлявших с ним единую композицию. Слева были представлены в молении святой царь Константин, царь Алексей Михайлович и коленопреклоненный патриарх Никон; справа — святая царица Елена и царица Мария Ильинична.⁷² Во второй половине XVII в. композиция «Поклонение Кийскому Кресту» получила широкое распространение как самостоятельный иконографический извод.⁷³ Один из них, созданный в Онеге иконописной артелью И.И. Богданова-Карбатовского в 1780 году, хранится сегодня в собрании Государственного исторического музея (**илл. 28**).⁷⁴

⁷⁰ В Крестном монастыре была церковь во имя святителя Димитрия Ростовского.

⁷¹ Цит. по: *Опись церковного имущества всех округов Архангельской епархии и Второклассного крестного монастыря на 1823 год // Кий-остров: История и современность: Сб. материалов научно-практической конференции. Архангельск, 2005. С. 121, 123, 125-126, 138.*

⁷² Там же. С. 112.

⁷³ Там же. С. 129. Упомянутая в описи икона была написана на доске и находилась в церкви Рождества Христова.

⁷⁴ *Корнюкова Л.А., Юхименко Е.М. Кийский крест с предстоящими (Поклонение кресту) // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты. № 30. С. 76-77. Икона написана на холсте.*

Из парсун патриарха Никона, происхождение которых связано с Кий-островом, наиболее известен портрет начала XX века, изображающий патриарха в мантии и белом клобуке на фоне панорамных видов Крестного и Воскресенского монастырей (в настоящее время хранится в музее-заповеднике «Коломенское», илл. 29).⁷⁵ *Опись* 1823 г. упоминает и более ранний портрет Никона — «живописный, во весь рост, в рамках крашенных, на полотне».⁷⁶ Он помещался в Крестовоздвиженском соборе над северными дверьми. Общая память о патриархе Никоне и митрополите Филиппе воплотилась в деревянной Филипповской часовне, построенной в 1709 г. на пристани в юго-западной части Кий-острова над крестом, водруженным будущим патриархом в 1639 году.⁷⁷

Строительство своих монастырей Никон начал во время пребывания на патриаршей кафедре, продолжил после ее оставления, но ни в одном из них не успел полностью воплотить свои замыслы. Вершина его храмостроительной деятельности — Воскресенский собор Нового Иерусалима — возводился при нем с 1658 по 1666 гг. В те же годы, но столетием раньше, с 1558 по 1566 гг., строился и Преображенский собор Соловецкого монастыря при митрополите Филиппе. Но ни Филиппу, ни Никону не довелось увидеть свой главный храм завершенным и освятить его. Три года Никону, как и в первое время Филиппу, удавалось сохранять принципы «симфонии» в отношениях с царем Алексеем Михайловичем. «Единомыслию» властей, связавшему царя и Патриарха в «премудрую двоицу», во многом способствовал образ митрополита-страстотерпца. Но уже в 1656 г. в «симфонии» случился разлад по вопросам церковной обрядности. Причиной послужило решение Никона совершить в праздник Богоявления одно освящение воды вместо двух, как было принято в греческой церкви. Патриарх, осмыслявший богослужебные действия в соответствии с евангельскими событиями, полагал достаточным одно освящение воды в канун праздника, так как «один раз Христос крестился». Это мнение не одобрил гостивший в это время в Москве антиохийский Патриарх Макарий, о чем стало известно царю.⁷⁸ Данный случай показал невозможность осуществления независимой политики Церкви не только в делах государственных, но и в вопросах обрядовой практики, для решения которых у царя могли быть иные, чем у патриарха, иногда чисто политические воззрения. В дальнейшем эти тенденции усугублялись. Алексей Михайлович, подобно Ивану IV, не смог сдержать клятву, данную при поставлении Патриарха, и Никон все более утверждался в мысли покинуть кафедру. Его уход 10 июля 1658 г. повторял уход митрополита Филиппа из Московского Кремля в августе 1568 г.

⁷⁵ Бродова Ю.В. Патриарх Никон с видами Крестного и Воскресенского монастырей // Патриарх Никон. Облачения, личные вещи, автографы, вклады, портреты. № 66. С. 148-149.

⁷⁶ Опись церковного имущества всех округов Архангельской епархии и второклассного Крестного монастыря на 1823 год. С. 119.

⁷⁷ Попова Л.Д. Крестный монастырь патриарха Никона. Архитектура и формирование пространственной организации // Кий-остров: История и современность. Сб. материалов научно-практической конференции. Архангельск, 2005. С. 25-26.

⁷⁸ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию. Вып. 4. С. 165-169.

По сообщению новгородской летописи, после конфликта между царем и митрополитом из-за тафьи на голове одного из опричников во время богослужения, Филипп «вышелъ из двора митрополита, и жилъ въ монастырѣ у Николы Старого».⁷⁹ Он не сложил сана, как это сделал его предшественник митрополит Афанасий. Формально оставление Кремля и переезд в Китай-город означало лишь смену резиденции, но со стороны первоиерарха это было открытой и решительной мерой противодействия царю.

Патриарх Никон тоже не сложил сана, покидая Успенский собор в праздник Положения честной ризы Иисуса Христа, на котором, вопреки обычаю, не присутствовал государь. Первосвятитель ушел на свое Воскресенское подворье, находившееся на Ильинской улице близ монастыря «Николы Старого» и жил там три дня. Ответных действий царя не последовало, и патриарх уехал в добровольное изгнание в Воскресенский монастырь.

В декабре 1664 г., приехав в Москву после бывшего ему в Богоявленской пустыни видения, Патриарх Никон получил от царя повеление вернуться в свою обитель. Садясь в сани, он

«оттрясе прахъ отъ ногъ своихъ, глаголя Господня словеса: “идѣже аще не приѣмлютъ васъ, исходяще изъ града того, и прахъ прилѣпшій къ ногамъ вашимъ оттрясите во свидѣтельство на ня; сего ради и прахъ прилѣпшій къ ногама нашимъ оттрясаемъ вамъ”» (Извѣстие, с. 46).⁸⁰

В данном случае, как и во многих других, Патриарх Никон воспроизводил действия и слова митрополита Филиппа. Соловецкий инок Сергей (Шелонин) в *Слове на перенесение мощей митрополита Филиппа* так описывает ситуацию. Когда царь, разгневавшись, «повелѣ Филиппа нуждею изринуть и с полаты», святитель

«исшед и с полаты, радуяся, яко за предстательство от Бога порученнаго ему стада сподобися бесчестие прияти, рекъ: “И прахъ, прилѣпшій от полаты вашей, от ногъ нашихъ оттрясаемъ вамъ во свидѣтельство вамъ в день судный Господа нашего Иисуса Христа”».⁸¹

На протяжении восьми лет опальный Патриарх с берегов Истры-Иордана увещевал и обличал царя, следуя в этом и митрополиту Филиппу, и отцам церкви. В письме к газскому митрополиту Паисию Лигариду он писал:

«А мы вин своихъ предъ царемъ не знаемъ, разве того, что пишемъ и говоримъ о неправдахъ его, яже ко святымъ и божиимъ церквамъ и ко святымъ монастыремъ обнищили и разорилъ святыя церкви и монастыри своею силною рукою. И онъ того ради злится на насъ.

⁷⁹ Цит. по: Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 3: Новгородские летописи. С. 162.

⁸⁰ Ср. в «перехваченной» грамоте к константинопольскому патриарху Дионисию Никон свидетельствовал: «написавъ грамоту своею рукою, царскому величеству послалъ со единымъ диакономъ, извѣстия, яко гнѣва ради его отхожду, по писанному: “Дадите мѣсто гнѣву”; и паки: “Егда гонятъ вы изъ града сего, бѣжите во инъ градъ”; “Идѣже не приѣмлютъ васъ, ни же послушаютъ словесъ вашихъ, исходящее изъ дому или изъ града того, оттрясите прахъ отъ ногъ вашихъ”» (Посл. ПН, с. 617).

⁸¹ Цит. по: Сапожникова О.С. Слово на перенесение мощей митрополита Филиппа Сергия Шелонина // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб., 2001. С. 390.

И ему того не пристойно дѣлать, что безъ архиерѣйскаго благословения от святыхъ церквей и от монастырей имать святыя вещи движимыя и недвижимыя» (**Посл. ПН**, с. 597-598).

По убеждению Патриарха Никона, государь должен чтить пастыря, право и долг которого — возвещать царям истину, как «пустынницы возвѣщали», и не гневаться за это. В 26-й главе «Возражения» он подчеркивал, что смелое обличение царя — прямая обязанность Патриарха:

«Сия написахом, не яко царя оглаголуя, но непотребное его дѣяние. И, иже хочет, да слушает царя и суд приемлет от него. Нам же Христос Бог наш собою узаконоположи не послушати, ни отвѣщати предъ беззаконными судии, но обличати» (**В**, с. 353-354; **илл. 30-32**).

Патриарх Никон всегда оценивал себя и свою деятельность в свете евангельского и святоотеческого учения о пастырстве, согласно которому пастырь — «добрый», справедливый, способный «изводити честное отъ недостойнаго», и воинственный, способный уберечь «стадо Христово» от «волкъ [...] душетлѣнныхъ». Он должен быть «назнаменован» Богом и своими деяниями и образом жизни показывать окружающим силу веры и духа, «яко богочтецъ есть» (**Посл. ПН**, с. 366). Вместе с тем, патриарх винил в грехах паствы прежде всего себя. Покидая патриаршую кафедру, как свидетельствовал накануне Московского собора 1660 г. подьяк Федька Трофимов, Никон говорил провожавшему его народу:

«Я самъ окрастовѣль и васъ отъ коросты не избавиль, волну ималь, а о овцахъ не радѣль; и я отселѣ вамъ нѣсть патриархъ».⁸²

О своем «нерадении за овец» сокрушался и митрополит Филипп в *Похвальном слове* иеромонаха Сергия (Шелонина).⁸³ В обоих случаях цитируется 29-я Беседа Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к Римлянам.⁸⁴ В *Житии Филиппа* речь митрополита, обращенная к народу, содержит аллюзии на текст Иоанна Златоуста:

«Се прияхъ точию того ради, да вы бо спѣли на добро, и возмущение ваше хотя утвердити, аще не бы ваша любви дѣля, той день един не рачиль быхъ пребыти здѣ, но отшелъ» (**ЖмФ**, с. 195).

Во время пребывания в Воскресенском монастыре мученическая смерть митрополита Филиппа становится для Патриарха Никона прообразом его собственной кончины. Находясь в монастыре, а позже в ссылке, Никон вообще часто думал о своей скорой смерти. В первом письме царю Алексею Михайловичу из Воскресенского монастыря он объяснил свой уход с кафедры физической немощью и тяжелой болезнью:

⁸² Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 47 (№ 13).

⁸³ Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп. С. 211.

⁸⁴ Люстров М.Ю. Уход патриарха Никона как подражание образцам. С. 449.

«...Ждал от вас, великих государей, по моему прошению милостиваго указу и не дождався, и многих ради своих болѣзней велѣль отвестися в ваше государево богомолье, в Воскресенской монастырь» (**Посл. ПН**, с. 380).

Приехавшему в Новый Иерусалим 12 июля 1658 г. князю А.Н. Трубецкому он говорил,

«что поѣхалъ онъ съ Москвы вскорѣ, не извѣстя великому государю [...] а убоялся того, что его постигла болѣзнь, и ему бѣ въ патриархахъ не умерѣть».⁸⁵

Летом 1660 года Никон писал из Крестного монастыря своему другу боярину Н.А. Зюзину о попытке крутицкого митрополита Питирима и чудовского архимандрита Павла отравить его с помощью дьякона Феодосия.⁸⁶ В 1663 г., когда по доносам на Никона в Воскресенском монастыре работала следственная комиссия, между опальным патриархом и окольничим Осипом Сукиным состоялся следующий разговор:

«И Осип Сукин говорил Никону, Патриарху, смотря в наказ государев: “Будет ты не станеш отвѣчать и с Ываном Сытиным и с Романом Бабарыкиным, и государь укажет по своему рассмотрению указ учинить. А для здѣлки пришлет два приказа стрелцов и велит так учинить, как ему годно” [...] И говорил Никон Осипу, околничему: “Буде есть у тебя указ от царя такой, еже убити мя, Никона — Никон не боится”. И, открыв ребра своя, говорил околничему, давал да убивает. И он говорил, колиде такой указ государев будет, не посоромимся» (**В**, с. 638).

В селе Чернево во время остановки по пути в Москву на церковный Собор 1666 г. архимандрит Новоспасского монастыря Иосиф зачитал Никону инструкции, которым тот должен был следовать при прибытии на судебные заседания 3 декабря, и Никон воскликнул:

«И чего ради повелѣваете быти мнѣ въ нощи и съ малыми людьми, или убо хотите такожде удавити, якоже и Филиппа Митрополита единаго удавили?» (**Известие**, с. 56).

Позже, на одном из заседаний Собора, царь Алексей Михайлович спросил Никона, зачем перед отъездом в Москву он «первое постився и исповѣдывался и Елеосвященіемъ святився, такожде и святую Литургію служилъ, аки бы къ смерти готовяся»; патриарх ответил, что от царя он ожидает «на ся не токмо скорбныхъ и томительныхъ наведеній, но и самыя смерти» (**Известие**, с. 66).

Образцом для прощания патриарха Никона с братией перед отъездом в Москву на осудивший его церковный Собор послужило *Житие митрополита Филиппа*. Покидая Соловецкий монастырь перед «поставлением на святительство», игумен собрал братию и

⁸⁵ Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 1. С. 190.

⁸⁶ Там же. С. 587-588; РГАДА. Ф. 27, оп. 1. Д. 140, ч. 1, л. 259а.

«поучивъ ихъ довольно [...] литургисав же самъ божественную службу, и причастивъ тѣлу и крови Христа Бога нашего, также и братию всю причасти» (ЖмФ, с. 178-179).

Патриарх Никон свой последний день в Воскресенском монастыре провел в церкви на Голгофе, где он поучал братию, совершил соборование, Божественную литургию и причастился Святых Таин (илл. 33). В одном из писем братии из ссылки Никон завещал похоронить себя там же:

«во своемъ строеніи въ Воскресенскомъ монастырѣ въ церкви Предтечевѣ, подъ Святою Голговою, еже и сбытся послѣди, по пятнадцати лѣтѣхъ по его прошенію» (Извѣстие, с. 88)

Тема Страстей Христовых была для Патриарха Никона неразрывно связана с образом митрополита Филиппа, которому в Соловецкой пустыни

«на молитвѣ явился [...] Иисусъ Христосъ въ терновомъ вѣнцѣ въ оковахъ, униженный, обогранный кровію съ ранами на тѣлѣ, въ такомъ видѣ, какъ онъ, послѣ поруганій и біеній предъ судилищемъ Пилата, веденъ былъ въ темницу; на мѣстѣ этого явленія брызнули изъ земли струи чистой ключевой воды».⁸⁷

По преданию, в память об этом явлении игумен Филипп в 1565 г. поставил в Пустыни часовню и устроил в ней резное из дерева изображение Христа в темнице, а на месте источника приказал выкопать колодец (илл. 34).

В Воскресенском соборе Нового Иерусалима Патриарх Никон успел воплотить тему Страстей Христовых только на Голгофе и в Успенской церкви, где над первым ярусом изразцового иконостаса помещена надпись о первообразе придела в храме Гроба Господня:

«Цр̄ко^в те^нницѣ^а вненже ѱде^ржанъ^ъ высть Гд̄ь ншъ Ис̄ъ Хс̄ ѿ Пилатѣ дондеже^ѣ приготова^ны бы^{ст} вѣщїи о распїатїи. Пре^жде верте^н бы^а стража ве^ртоградѣ».

Иконографическая программа трехъярусного пятипролетного иконостаса, составленная, несомненно, самим патриархом, не имеет аналогов в русском искусстве. Традиционные «Деисусы и праздники» преобразованы здесь в молитвенное предстояние Богородицы и апостолов Христу, сидящему в темнице. Тема темницы Христовой была повторена в иконостасе трижды: в изразцовой надписи, в иконографии Господской иконы местного ряда и центрального образа Деисусного чина.

Первоначальный состав икон Успенского иконостаса известен из монастырских *Описей*. Иконы XVII века утрачены, но сохранился образ Христа в темнице, написанный для данного иконостаса в XVIII столетии. Он соответствует изводу скульптурного изображения из Филипповой пустыни, первоначально именовавшейся Иисусовой и, вероятно, повторяет иконографию иконы начала 1660-х гг. (илл. 35-36).

В Успенском приделе патриарх Никон устроил также внутрстенную часовню, названную им Темницей и предназначенную для хранения каменных Уз Христо-

⁸⁷ Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881. С. 94.

вых, которые воспроизводят иерусалимскую святыню. Узы представляют собой высеченное из цельного белокаменного блока прямоугольное сидение с двумя круглыми отверстиями для ног и высокой спинкой (илл. 37-38). В XVIII веке здесь помещалось деревянное резное изображение сидящего Христа, препоясанного лентием и увенчанного терновым венцом, с ногами, продетыми в круглые отверстия камня-колоды. Подобное изображение известно по фотоснимкам Филипповой пустыни XIX века. К нему можно отнести слова С.М. Соловьева из его описания Нового Иерусалима 1914 г.:

«В небольшой темнице находится статуя сидящего Христа, на статую накинута багряница».⁸⁸

Для игумена Филиппа явление страждущего Христа стало предзнаменованием его мученической кончины. Для патриарха Никона таким знаком стало явление ему в соловецкой поездке святителя Филиппа, сказавшего: «Прииде» и «не отходи от мене». Это событие предопределило иконографию образа, на котором оба первосвятителя изображены припадающими к стопам Господа Вседержителя. Икона была написана по заказу патриарха Никона и привезена в Новый Иерусалим 9 октября 1657 г.⁸⁹ Этот год указан и в «исторической летописи», вычеканенной на нижнем поле серебряного оклада.⁹⁰

Первоначально образ находился, вероятно, в местном ряду иконостаса деревянной Воскресенской церкви. Его размеры (137 x 87 см) совпадают с размерами помещавшихся там же Богородичных икон, из которых «Иверская» и «Троеручица» представляли собой списки с чудотворных афонских святынь.⁹¹ В начале 1660-х гг. образ Спасителя был перенесен в строившийся Воскресенский собор и установлен в иконостасе подготовленной к освящению церкви Воздвижения Креста Господня на Голгофе. Возможно, именно тогда над главой патриарха Никона был написан в картуше кондак, читаемый в среду на Страстной седмице:

«Паче Бл҃дницы, Бл҃же, Бє̑ззакѡншва^х, щє̑рѣ, Слє̑з точенїа Никако^ж ти принесохъ, Но мо^лчаниє^м Моласта Припадаю Ти І любовїю лобызаю Пречѣтєн Позѣ твой да прощєнїє ми тако Вл҃ка подаси Грєхо^в ѿко Да зовѣ Ти Сп̑се ѿт скверныхъ дѣ^л моихъ и збавь мѧ Смирннаго Никона рава своего».

Этот текст вносит в образ тему покаяния (илл. 39-41).

Оба первосвятителя, Митрополит Филипп и Патриарх Никон, представлены в полном архиерейском облачении: в кресчатых саккосах, омофорах, митрах. Митрополит Филипп (слева) изображен чуть выше патриарха Никона, с приподнятой

⁸⁸ Соловьев С.М. Богословские и критические очерки. Томск, 1996. С. 64-65.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 235, оп. 2. Д. 43. Л. 223-223об.; Писарев Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. С. 138.

⁹⁰ Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. С. 193, 195.

⁹¹ «Опись церковнаго и монастырскаго имущества и книгохранилища Воскресенскаго, Новый Иерусалим именуемаго, монастыря 1679 года, учиненная по указу царя и великаго князя Феодора Алексеевича, Московскаго и всея России». Список XIX века. — Музей «Новый Иерусалим». Ф. 1, оп. 1. Д. 1880 (далее — *Опись 1679*). Л. 3-3об.

главой и нимбом. Его темно-вишневый саккос украшен золотыми четырехконечными крестами с повторяющейся надписью: «**ИГО ХО НИКА**». На серебристо-голубом саккосе патриарха Никона — золотисто-желтые кресты. Цветовое решение облачений символично, оно означает и мученическую смерть, и свет Воскресения.

Патриарх Никон изображен без портретного сходства, характерного для его прижизненных парсун, и без нимба. Это — распространенный в искусстве Древней Руси обобщенный образ ктитора-храмоздателя, который — при сопоставлении с образом митрополита-страстотерпца — приобретает дополнительный исторический подтекст и пророческое звучание. Тема спасительных страданий отражена и в образе Спасителя, о чем свидетельствуют два Ангела с орудиями Страстей в руках по сторонам крещатого нимба Христа. Извод иконы связывает ее с образом Лобного места в северной части Голгофской церкви, где был установлен кипарисовый Крест в меру Креста Господня с резным изображением Распятия. Как и в соборе Крестного монастыря, по сторонам Креста находились две большие иконы с изображением святых равноапостольных Константина и Елены, царя Алексея Михайловича, царицы Марии Ильиничны, царевича Алексея и коленопреклоненного Патриарха Никона.

Иконографическая программа убранства Святой Голгофы была построена на сочетании разновременных церковно-исторических образов с евангельскими первообразами, что придавало ему многоплановый смысл и служило, согласно надписи на окладе иконы Господа Вседержителя, «в присное поучение» и «ко умному боговидению всякому верующему» (илл. 42).

Кроме изображения на Голгофе, в Воскресенском монастыре были и другие иконы митрополита Филиппа. Об одной из них, «на золотѣ», сообщает *Казначейская опись* 1665 г.⁹² Местом нахождения образа указано «крайнее сушило верхнее», где хранились старые и новонаписанные иконы, иногда в нескольких экземплярах — от двух до двадцати одного. Их перечень *Опись* сопровождает именем иконописца или пометкой: «письма ученичья за мастерскою приправою». По-видимому, в *сушиле* хранились образцы, предназначенные для копирования в монастырской иконописной мастерской, а также ученические работы и списки, которые раздавались как благословение обители.

Другое изображение митрополита Филиппа упоминается в *Описи 1685 года*. Оно воспроизводит иконографию иконы Господа Вседержителя:

«Дщица серебряная бѣлая, на ней вырѣзано Спасовъ образъ, въ молении Феодоръ Стратилат, да у Спасова же образа в подножии в молении: с правую сторону Филиппъ митрополитъ да персона Святѣйшаго Никона Патриарха».⁹³

Вероятно, «дщица» представляла собой один из многочисленных вкладов в Новый Иерусалим царя Федора Алексеевича. Серебряная пластина могла предназначать-

⁹² Цит. по: Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Нового Иерусалим именуемого монастыря. М., 1876. С. 160-162.

⁹³ Опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1685 года составлена дьяком Сысского приказа Борисом Ивановичем Остолоповым: РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ), оп. 4. Д. 5092. Л. 388об.

ся для оформления подвесной пелены или киота иконы Господа Вседержителя в новом иконостасе, изготовленном для Голгофской церкви к освящению Воскресенского собора в 1685 г.⁹⁴

И для патриарха Никона, и для его современников митрополит Филипп являлся символом стойкости и твердости в выполнении обязанностей, налагаемых духовным саном. Идеальный антагонист патриарха Никона, протопоп Аввакум, готов был повторить мученический подвиг святого.⁹⁵ Другой яркий противник литургической реформы патриарха Никона, старец Герасим (Фирсов), посвятил Филиппу несколько сочинений, в которых славил его как мученика.⁹⁶ С последней трети XVII века таким же символом в глазах жителей Руси становится Патриарх Никон.

После низложения и ссылки патриарха образ Господа Вседержителя оставался в иконостасе на Голгофе. К окладу иконы были привешены пять панагий, к парному образу Божией Матери «Неопалимая Купина» — две панагии и наперсный крест-мощевик.⁹⁷ Распространенный на Руси обычай привешивать к иконам образки, панагии, кресты и другие святыни имел в данном случае особое значение. Знаки архиерейского достоинства лишенного сана Патриарха как бы отдавались Христу и Богородице, которые по своему неизреченному милосердию могли бы вернуть их заточенному страстотерпцу, изображенному здесь же, на Голгофе, в покаянном молении. Здесь уместно вспомнить *Житие Николая Чудотворца*, согласно которому Христос и Богородица вернули ему Евангелие и омофор. В Новом Иерусалиме произошло подобное чудо. Золотая панагия с резным по ониску образом Пресвятой Богородицы, подвешенная к окладу иконы Вседержителя, была возвращена патриарху: ее возложили на схимонаха Никона при облачении его в погребальные одежды (илл. 43).⁹⁸

В 1681 году, придавая символическое значение своему возвращению из ссылки сначала в Ферапонтовом, а затем в Кирилловом монастырях, Никон велел везти себя вниз по Волге, чтобы повторить тот путь, по которому он сам в свое время вез мощи святителя Филиппа.⁹⁹ Близ Ярославля на реке Которосль патриарх скончался, и его последний путь стал торжественным шествием в дольний Новый Иерусалим, возведенный им по образу Иерусалима Горнего.

⁹⁴ Царь Федор Алексеевич скончался в 1682 году, и, возможно, поэтому пластина-дробница осталась неиспользованной.

⁹⁵ «Аще меня задушат, и ты причти мя с Филиппом, митрополитом Московским»; «Златоуст Иван и лутче нас был [...] И Филипп митрополит на Москве. Да много того есть [...] Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже [...] на Москве за опришнину Филипп»; цит. по: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Архангельск, 1990. С. 21, 87.

⁹⁶ Чумичева О.В. Инок Герасим Фирсов – соловецкий писатель XVII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1992. Сб. 4: XVII—начало XVIII вв. С. 87-135.

⁹⁷ Описание 1679. Л. 11-15об. Одна из панагий и наперсный крест изображены на парсуне Патриарха Никона с братией Воскресенского монастыря начала 1660-х годов.

⁹⁸ Панагия Патриарха Никона, извлеченная из могилы во время ее вскрытия в 1936 году, хранится в музее «Новый Иерусалим».

⁹⁹ Бриллиантов И. Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899. С. 117.

Патриарх Никон принимал самое непосредственное участие в строительстве основанных им монастырей, и в каждом из них прослеживается тесная связь с деятельностью игумена Филиппа. Изучение архитектуры Успенской церкви и Спасо-Преображенского собора на Соловках, Успенского собора Иверского монастыря, Крестовоздвиженского на Кий-острове и Воскресенского в Новом Иерусалиме выявило много общих конструктивных, технических и типологических принципов.¹⁰⁰ Главным зодческим наследием игумена Филиппа стало для патриарха Никона его богословие в камне. Осмысление храма как образа мироздания отмечено в новгородском церковном строительстве первой половины XVI в. новыми конструктивными формами. Э.А. Гордиенко связывает их с космологическими представлениями, отраженными в миниатюрах *Хроники Космы Индикоплава*. В рукописи 1539 г. миниатюра, завершающая цикл со схематическими изображениями вселенной, представляет собой композицию

«в виде вертикального прямоугольника, разделенного на четыре яруса, каждый из которых имеет собственное название. В верхнем регистре, в облаках, изображен восседающий на престоле Христос — это Царство Небесное. Вторую, небесную, сферу, занимают ангелы, стоящие по сторонам шестикрылого херувима. В третьей, земной, сфере изображены молящиеся люди, в нижней, преисподней, — мертвецы» (илл. 44).¹⁰¹

Исследовательница полагает, что воплощение гармонии «земного» и «небесного» начала осуществляется в новгородской архитектуре данного времени с двух основных позиций:

«Одна из них, во многом уже пережитая, отражена в традиционной [...] идее крестово-купольного храма как выражения полного слияния макро- и микрокосма. Другая позиция противопоставлена системой центрического здания, надстройка которого в виде глухого барабана и главы на нем была лишь необходимой данью традиции, осознаваемой как переходное звено к новому восприятию мира, состоящего из разделенных между собой сфер божественного и человеческого бытия».¹⁰²

¹⁰⁰ Савицкая О.Д. Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 64-65; Скопин В.В. На Соловецких островах. М., 1990. С. 44-49; Скопин В.В., Щенникова Л.А. Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982; Бузов В.А. «Памяти Филиппу игумену»: к истории первых каменных храмов Соловецкого монастыря // Соловецкое море: Историко-литературный альманах. Архангельск, 2007. Вып. 6. С. 61-78; Яковлева Н.П. К вопросу о никоновском строительстве // Проблемы религиоведения в музеях. Сб. научн. тр. Л., 1989. С. 60-88; Ильин М.А. Крестный монастырь на Кий-острове // Архитектурное наследие. М., 1962. Вып. 14. С. 89-104; Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследие. М., 1969. Вып. 18. С. 30-44; Кольцова Т.М. «Крестный образ» Крестного Кийского монастыря // Научно-исследовательская работы в художественном музее. Архангельск, 1998. Вып. 1. С. 14-32; Она же. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVI-XIX вв. (по письменным источникам) // Памятники архитектуры Русского Севера. Архангельск, 1998. С. 266-292; Ильин М.А. Крестный монастырь на Кий-острове // Архитектурное наследие. М., 1962. Вып. 14. С. 89-104; Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследие. М., 1969. Вып. 18. С. 30-44.

¹⁰¹ Гордиенко Э.А. Новгород в XVI веке и его духовная жизнь. СПб., 2001. С. 175-176. Рис. 62.

¹⁰² Там же. С. 196-197.

В зодчестве игумена Филиппа представлена третья позиция, воплощенная в соловецком Спасо-Преображенском соборе, где на сводах по углам храма поставлены четыре одноглавых придела, соединенные каменной аркадой. Этот верхний ярус, к которому ведут внутрискладные лестницы, интерпретируется как образ града Горнего.¹⁰³ Такому толкованию соответствует и топонимика приделов, освященных в честь 12-ти и 70-ти апостолов, а также во имя великомученика Федора Стратилата и преподобного Иоанна Лествичника — небесных покровителей сыновей царя Ивана IV. В посвящении приделов звучит тема Страшного суда и вечной жизни праведников:

«ни ѡумрети во ктоу мѡ мѡгѡтъ . равни бо сът аггло^м , и снове сътъ вѣи» (Лк. 20: 36) (Б, л. 40; илл. 45).¹⁰⁴

Четыре бесстолпных придела, возведенные по углам храма на уровне кровли, образуют вместе с центральной главой традиционное пятиглавие. Вместе с тем, фасады собора напоминают высокую ограду с угловыми башнями-церквями, а верхний ярус храма с шатровым барабаном главы в центре — «градъ стын іѣрлимъ новъ сходацъ ѿ ба снѣси приготованъ», о котором свидетельствовал Иоанн Богослов:

«И слышахъ гласъ велѣи с нбсе глѡущъ , се скѣнїа вѣїа съ члкъ , и вселїтсѧ с ними» (Откр. 21: 2-3) (Б, л. 70об.; илл. 46).

Те же идеи храма-града различными архитектурными средствами воплощал в своих монастырях патриарх Никон. Так, величественный шестистолпный пятиглавый Успенский собор Иверского монастыря окружен со всех сторон папертью с башенками над крыльцами, выступающими на ее фасадах с юга, севера и запада. Будучи по оформлению и назначению круговой галереей, паперть создает снаружи образ широкой стены с башнями, над которой, подобно городу, возвышается храм (илл. 47).

В Богоявленской пустыни и в Воскресенском соборе Нового Иерусалима приделы поставлены на плоские кровли в виде восьмигранных глав. Подобно своим соловецким аналогам они развивают по вертикали идею трехчастного членения храма, выраженную по горизонтали притвором, где отпевают мертвых, средней частью церкви, предназначенной для молящихся, и алтарем. Если притвору соответствует подклет, где могут совершаться погребения, а центральное помещение церкви означает область земного бытия в творении Божиим, то алтарю, знаменующему превыспреннее небо, рай или Царство Небесное, соответствуют главы храма. Устройство патриархом Никоном в барабанах глав хор или престолов уподобляет верхнюю часть храма алтарю, создает образ храма-града, Иерусалима горнего (илл. 48-54).

¹⁰³ Шаров С.А. О завершении Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря // Архитектурное наследие. М., 1986. Вып. 34. С. 224-229.

¹⁰⁴ Здесь и далее библейские тексты цитируются по изд.: Библия. Острог, 1581. Ссылки на листы изд. — в тексте в круглых скобках после цитаты с пометой Б.

Богословие митрополита Филиппа и патриарха Никона воплощалось в храмо-строительстве образами Царства Божия: «**нѡваже нѣса ѿ зѣмлю новѹ по ѡбѣтованію єго чаетъ , внихже правда живетъ**». Для вечности человек должен готовить себя на протяжении жизни временной, чтобы «**нескверни ѿ непорочни томѹ ѡбрѣстиса въ мїрѣ**» (2 Пет. 3: 13-14) (Б, л. 21об.).

*

* * *

Недавно в научный оборот было введено и издано новонайденное сочинение начала 90-х годов XVII в. о патриархе Никоне (РГБ ф. 178 [Музейное собр.] № 9427, лл. 455-485),¹⁰⁵ в котором проведено сравнение деяний и подвигов патриарха Никона и митрополита Филиппа. По убеждению анонимного автора, во взаимоотношениях с царской властью Патриарх совершил подвиг мученичества, подобный тому, что прославил Митрополита. Развивая эту тему, автор вспоминает о пророческих словах патриарха Никона, обращенных к царю Алексею Михайловичу и якобы произнесенных им у гроба с мощами митрополита Филиппа: Никон высказывал готовность пострадать за благочестие. Для анонимного автора все события, произошедшие в отношении царя и Никона, есть зеркальное отражение трагических событий, происходивших с Филиппом:

«да зриши его, яко зеркало, и да не сотвориши и нам таковая» (Соч. о ПН, с. 342).

Тему подобия Никона и Филиппа в подвиге мученичества развивают подобранные автором источники. Один из них — маргинальная глосса в предисловии к «Новому Маргариту» князя Андрея Курбского.¹⁰⁶ Это краткое замечание о митрополите составлено по канонам мученика и послужило прообразом будущего жизнеописания Филиппа в «Истории о великом князе Московском», где Курбский создал яркие, противопоставленные друг другу, образы царя-мучителя Ивана Грозного и священномученика Филиппа.¹⁰⁷ Следует заметить, что параллель Филипп — Никон, усиленная этим источником, не только напоминает о глубоко личном почитании патриархом памяти митрополита, но раскрывает восприятие сторонниками и учениками Никона последствий его конфликта с Алексеем Михайловичем как мученичество. Стойкость стояния за веру, несение своего креста, стяжание терпения в страданиях, следование Христу и святость патриарха Никона отражены в двух стихотворных эпиграфах, составленных в Воскресенском монастыре вскоре

¹⁰⁵ *Севастьянова С.К.* Новонайденное сочинение о патриархе Никоне // Культура, история и литература Русского мира: общенациональный и региональный аспекты. Сб. статей и матер. всеросс. научн. конференции с междунар. участием «Человек и мир человека». Барнаул, 2014. С. 335-380. В дальнейшем ссылки на это изд. — в тексте в круглых скобках с пометой **Соч. о ПН**.

¹⁰⁶ Изд.: *Kurbiskij A.M. Novyj Margarit: Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift / Hrsg. Von I. Auerbach. Giessen, 1976-1990. Bd. 1-4. Lfg. 1-17. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slawen).* Л. Зоб.; *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя). М., 1998. С. 186; «Предисловие многогрешнаго Андрея Ярославскаго на книгу сию, достойную нарицатися “Новый Маргарит”...» // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2001. Т. XI (XVI век). С. 560, прим. 2.

¹⁰⁷ *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный. С. 186-189.

после его кончины. Эпитафии были высечены на белокаменных плитах, установленных у могилы патриарха Никона.¹⁰⁸

Еще один источник — «Запрещение о тафьях» — самостоятельное произведение о митрополите Филиппе, бытовавшее в рукописной традиции XVII в.¹⁰⁹ Если автор маргиналии сосредоточился на теме страдания Филиппа, смело выступившего против опричнины:

«И глагола о свидѣнии Господних, так пред лютымъ и безчеловѣчнымъ царемъ ни в чesомъ же стыдяся, обличая его о неправдахъ и о кровопийствахъ» (Соч. о ПН, с. 342),

то автор «Запрещения о тафьях», усилив тему,¹¹⁰ изложил суть конфликта между царем и святителем следующими словами:

«Не подобаетъ благочестивымъ царемъ невѣрныхъ обычаевъ перенимати» (Соч. о ПН, с. 343).

Тема подвиги мученического подвига патриарха и митрополита получает, благодаря этому источнику, новое звучание: двух защитников чистоты Православия сближает не только тип поведения в столкновении с царем (открытое обличение и небоязнь смерти), но и содержание конфликта — неприятие иерархами иноземных влияний на православный образ жизни русских людей, которые пагубно воздействуют на религиозную и бытовую жизнь. Говоря современным языком, святители Филипп и Никон ратовали за самоидентичность русской православной культуры, за сохранение ее национальных особенностей и черт. И в этом смысле выбор анонимным автором указанных источников о подвиге митрополита Филиппа не случаен.

В *Житии митрополита Филиппа* говорится о том, как митрополит обличал царя Иоанна за то, что тот позволил опричникам стоять в храме с покрытой тафьей головой:

«Блаженному же Филиппу [...] видѣ, иже съ царемъ пришедши стоящи в тафьяхъ. И обращься к царю и рече: “Божественному славословию совершаему и Божию слову прочитаему християнъскаго закона во утверждение, откровенными главами послушати подобаеъ. Откуда симъ се привниде агарянъскаго закона почитание — покровенными главами предстояти, вси единовѣрни суще?”» (ЖмФ, с. 192).¹¹¹

Обратившись к повести «Запрещение о тафьях», автор новонайденного *Сочинения о патриархе Никоне* углубил в назидание современникам тему царя — сторон-

¹⁰⁸ Зеленская Г.М. Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII-XX веках // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим» / Сост. и научн. ред. Зеленская Г.М. М., 2002. С. 88-98.

¹⁰⁹ Введено в научный оборот Г.Г. Латышевой: *Латышева Г.Г.* Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 30-62; издано И.А. Лобаковой: *Лобакова И.А.* Житие митрополита Филиппа. С. 283-284.

¹¹⁰ *Латышева Г.Г.* Публицистический источник по истории опричнины. С. 56.

¹¹¹ По заключению Б.А. Успенского, митрополит Филипп воспринимал как святотатство ношение опричниками тафѣй, см. *Успенский Б.А.* Избранные труды. М., 1996. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 179.

ника иноземных заимствований и показал, что изменение внешнего облика русских людей при помощи деталей иностранного костюма может повредить их нравственности: согласно повести, не только опричники, но и царь был в тафье и использовал этот головной убор в обстановке, не подходящей для его применения.

В *Сочинении* обличаются обычаи, которые с XVI века господствовали в наряде и внешности представителей привилегированных сословий,¹¹² притом, что правила Стоглавого собора (1551 г.) строго запрещали использовать в быту все чужеземное. Анонимный автор включил в повествование две выписки из Стоглава: главу 39 о запрете носить тафью и главу 40 о запрете на брадобритие.¹¹³ Правила о ношении бород были закреплены в обязательных для всех православных законодательных сборниках — *Русской правде, Кормчих книгах, Номоканонах*. Отсутствие бороды или ее бритье воспринималось как измена православию, и священники отказывали в благословении безбородому.¹¹⁴ Подражание внешнему виду иностранцев и использование в быту иноземных предметов, по словам В.О. Ключевского, «перелицовывало наружный вид и перестраивало духовный склад русского человека».¹¹⁵

Вопрос о проникновении культурных новаций и «чужестранных обычаев» из сферы повседневной иноземной жизни в русский быт и культуру в последней четверти XVII в., судя по тематике анонимного сочинения, стоял особенно остро. В сознании ревнителей православия, как убедительно показала Т.В. Панич, эта проблема естественным образом соединялась с вероучением западной Церкви, по мнению грекофилов, поврежденным, развращенным и далеким от истинного благочестия.¹¹⁶ Патриарх Иоаким (26.07.1674—17.03.1690), избранный на патриаршество еще при жизни Никона, обличал «эллинский, блуднический, гнусный обычай» брить бороду и постригать волосы («Паки ныне юнонеистовые начали образ, от Бога мужу дарованный, губить!»)¹¹⁷ и все усилия направлял на борьбу против инославного — римско-католического и исламского — влияния на русское общество.

¹¹² В XVII веке тафью носил только царь Михаил Федорович (такой факт запечатлен, например, на картине А.П. Рябушкина «Сидение царя Михаила Федоровича с боярами в его государевой комнате». 1893 год. Москва, Третьяковская галерея); в царских выходах государя Алексея Михайловича такого головного убора нет; у царя Федора Алексеевича, согласно описи имущества, были две тафьи, по заключению И. Забелина, «изготовленные [...] для охраны [...] его слабого здоровья»; цит. по: *Забелин И.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. Т. 1, ч. 2. С. 462-463.

¹¹³ *Емченко Е.Б.* Стоглав: Исследование и текст. М., 2000. С. 301-303.

¹¹⁴ Уже стал хрестоматийным случай, описанный протопопом Аввакумом в собственном *Житии*: в 1648 г. он отказался благословить сына воеводы Василия Петровича Шереметева Матфея—«бритобратца»: «Аз же не благословил, но от Писания ево порицал, видя блудолюбный образ», цит. по: *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения.* СПб, 2010. С. 19-20.

¹¹⁵ *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций. М.—Минск, 2002. Т. 2. С. 417.

¹¹⁶ *Панич Т.В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века / Отв. ред. акад. РАН Н.Н. Покровский. Новосибирск, 2004. С. 66.

¹¹⁷ Цит. по: *Богданов А.П.* Русские патриархи (1589-1700): В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 328.

В своем *Духовном завещании* он писал:

«Еще же, да никак же они, государи цари, попустят кому христианом православным в своей державѣ с еретиками иновѣрцами, с латины, лютеры, калвины и со злобными татары, их же гнушается Господь, и Церковь Божия с богомерзкими престли их проклиняет, общения в содружество творити, но, яко врагов Божиих и ругателей церковных, тѣх удалятися [...] Еретики бо, яко лютеры, калвины и латины, не совѣтуют и не глаголют, яже церковная правая, но яже человѣческая новообрѣтная и чуждее истиннаго благочестия. Татарове же проклятыя злобожники суть, в них же никоего же добра обрѣтается, и живут в державѣ царской и между многих христиан, и в великих градѣх, их же во благочестивую вѣру всячески приводити велий есть долг».¹¹⁸

Его преемник патриарх Адриан (24.08.1690—02.10.1700) в своих посланиях и проповедях осуждал «брадобрийцев» и «тафиеносцев» как еретиков:

«...отрините отъ себѣ злый обычай еже брады брить и подстризати сіе бо еретически есть обычай: православнымъ же христіаномъ не подобаетъ сего творити [...] Человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ, симъ безумнымъ бродобрийцемъ, подражающе, ненаказанныи нецыи, заповѣдь Божью и святыхъ пренебрегше, образъ мужескій начаше растлѣвати — брады брить и стрищи и одежды чужестранная и на главахъ тафії носить, и смѣшашася множайшии тѣхъ съ еретики и навыщаются неподобнымъ и беззаконнымъ нравомъ ихъ».¹¹⁹

Очевидно, что в сочинениях церковных писателей последней четверти XVII века собирательный образ «брадобрийца-тафиеносца» олицетворял того, кто поддавался иноземному влиянию как во внешнем облике, так и в поведении, привычках, быту.

Патриарх Никон, из уст которого в анонимном сочинении звучит поучение о защите русской православной культуры от «иновѣрных обычаев», исповедовал идею православного теократического государства, живущего по строгому церковному уставу. Он видел будущее России в греческой и византийской учености, в единении древнерусских и западнорусских православных традиций, что было особенно актуальным после присоединения к Московскому государству Малой и Белой Руси.

В сочинениях Никона нет ни одного упоминания о личном неприятии им проникавших в русский быт и культуру элементов иностранной жизни, хотя его современники не раз становились свидетелями того, что иерарх искоренял «чужестранные обычаи», которые разрушали православное благочестие, благочиние и благолепие. Достаточно вспомнить о публичном проклятии и уничтожении патриархом икон «фряжского» письма, о выселении немцев в специально отведенную для них слободу. Немецкий путешественник и ученый Адам Олеарий оставил в

¹¹⁸ Цит. по: *Панич Т.В.* Духовное завещание патриарха Иоакима // Русский мир в мировом контексте: Сб. статей и материалов ... конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 222.

¹¹⁹ Цит. по: «Адриана Патриарха грамоты» // Раскольничьи дела XVIII столетия, извлеченные из дел Преображенского приказа и Тайной розыскных дел канцелярии Г. Есиповым. СПб., 1863. Т. 2. С. 85, 87.

своём дневнике запись о вражде Никона с боярином Никитой Ивановичем Романовым, известным любителем немецкой музыки и нарядов.¹²⁰ Нет свидетельств о том, какова была реакция Никона на вещи, привезенные Алексеем Михайловичем в 1657 г. из военного похода на Польшу, которые трудно было увязать с идеалом благочестивого быта православного христианина — оптические приборы, гобелены, мебель, музыкальные шкатулки, кружева, столовые приборы, певчие птицы и кареты.¹²¹ Нельзя утверждать, что реакция была резко отрицательной, ведь у самого патриарха в личном употреблении находились предметы и вещи западного происхождения (зеркала,¹²² окуляры, часы,¹²³ посуда;¹²⁴ патриарх пользовался западными книгами по медицине, новинками военной техники¹²⁵), за что он неоднократно подвергался критике со стороны оппонентов.

Убежденный в крепости веры Алексея Михайловича, патриарх Никон скорее всего не воспринимал увлечение царя западными «новинами» в обыденной жизни и церемониале как угрозу православию: ведь одни из них упрощали быт, другие

¹²⁰ «В Москве живет некий князь, по имени Никита Иванович Романов [ок. 1607—21 декабря 1654], — писал А. Олеарий. — После царя это знатнейший и богатейший человек, к тому же он близкий родственник царя. Это веселый господин и любитель немецкой музыки. Он не только любит очень иностранцев, особенно немцев, но и чувствует большую склонность к их костюмам. Поэтому он велел не раз шить для них польское и немецкое платье, а иногда и сам, ради удовольствия, надевал его и в нем выезжал на охоту, несмотря на то, что патриарх возражал против подобного одевания. Боярин этот, впрочем, иногда и в религиозных вопросах, как кажется, сердил патриарха тем, что отвечал ему коротко, но упрямо. Впрочем, патриарх, в конце концов, все-таки хитростью выманил у него костюмы и добился отказа от них»; цит. по: *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию / Пер. с нем. А.М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 168. Другие источники, пересказывая этот случай, связывают его с боярином Б.И. Морозовым (1590—1 ноября 1661) и сообщают либо о том, что патриарх Никон приказал отобрать у Морозова и сжечь латинские органы (*Танеев С.И.* Публичные концерты и балы в столицах // *Русский архив.* 1885. Кн. 3, вып. 7. С. 442), либо о том, что Никон отобрал у Морозова немецкие платья, в которые боярин одевался сам и наряжал прислугу, и сжег (*Добролюбов Н.А.* Первые годы царствования Петра Великого // *Он же.* Собрание сочинений: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 3. С. 33-34).

¹²¹ *Лобачев С.В.* Патриарх Никон. С. 201.

¹²² О возможности употреблять зеркало во время облачения архиерея спрашивал боярин С.Л. Стрешнев газского митрополита Паисия: «Подобает ли, егда облачается архиерей или іерей во святой церкви і во олтари чешется и на зеркало смотрится, в церкви суще во святомъ облаченіи? Понеже і Никон тое извычанье был чинит прежде литоргіи, как облачится во святыя ризы», на что получил ответ: «Не подобает, женское убо то есть и не лѣпо мирским і мужем, а наипаче священником, которыя имѣют тогда молитися, а не в зеркало глядѣтися и украшат душу свою [...] Не подобает убо в зеркало смотрится слугѣ Божію не токмо въ церкви Божіей, а не і в кѣліи, ино да уготовит себе страху Божію, и да имат совѣсть свою чисту, яко нескверному зеркалу Божію [...] і аще чесался Никон і в зеркало смотрился, лутче бы было, чтоб в своей кѣліи то чиниль» — «Отписка к боярину Симеону Лукьяновичю Стрешневу митрополита Паисіи Газскаго и на тридесять вопросов отвѣты новых обычаев Никоновых бывшего патриарха московскаго во 171-м году» // *Историческое исследование дела патриарха Никона.* Ч. 2. С. 522-523.

¹²³ Царь Алексей Михайлович и патриарх Никон. «Премудрая двоица». М., 2005. С. 80.

¹²⁴ *Рогожкина Е.И.* Личные вещи и вклады Патриарха Никона из фонда драгоценных металлов музея «Новый Иерусалим» // *Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»* / Сост. и научн. ред. Зеленская Г.М. М., 2002. С. 47-56.

¹²⁵ *Лебедев Л.* Десять московских патриархов. М., 1995. С. 55.

своей роскошью и блеском соответствовали патриаршему сану и царскому достоинству, но при этом они никоим образом не противоречили русской культуре и не подрывали ее духовных основ. Как убедительно предположила Л.А. Черная, Алексей Михайлович, пользуясь предметами западного обихода,

«хотел показать европейцам, что и в России не отстают от европейской королевской моды [...] что при дворе ценят не просто роскошь, но и красоту, что царь обладает вкусом к красивым вещам».¹²⁶

По словам И. Забелина, в XVII веке в России интерес к драгоценным и редким предметам, в том числе заграничным, был обусловлен «диковинностью вещи или особенно хитростью ее устройства или мастерства».¹²⁷

Допуская в качестве «потешной» одежды «немецкое» платье,¹²⁸ царь Алексей Михайлович в первые годы своего правления законодательно запретил те иноземные обычаи, которые пагубно влияли на православное сознание русских людей. Об этом сообщал в конце XVII в. патриарх Адриан, подробно излагая историю борьбы с иноземными обычаями в России с XVI века:

«При Царѣ Алексіи Михайловичѣ, отцѣ благочестивыхъ Царей нашихъ, и при Патриарсѣ Іосифѣ, по нихъ же соборѣхъ брадобрійцы и тафіоносцы осудишася и прокляшася, яко свидѣтельствуеть в книзѣ о святительскихъ судахъ въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ печатной [...] Подобнѣ же в книзѣ служебницѣ, печатномъ в семь царствующемъ градѣ Москвѣ при царѣ Алексіи Михайловичѣ и патриарсѣ Іосифѣ соборное ихъ и всего священнаго тогдашняго чина архіереевъ изреченіе глаголетъ [...] и написанныя бо законы и обычаи повелѣся отъ церкви яко и написанная и утвержденная и узаконенная святыхъ соборами, паче же самымъ Богомъ заповѣданная подобаетъ всеконечно блюсти»..¹²⁹

Оставаясь до конца жизни приверженцем традиционно русских и православных идей, незадолго до смерти, 6 августа 1675 года, Алексей Михайлович издал указ, в котором говорилось:

«А Стольникамъ, и Стряпчимъ, и Дворяномъ Московскимъ, и Жильцомъ [...] сказать, чтобъ они иноземскихъ Нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосовъ у себя на головѣ не постригали, тако жъ и платья, кафтановъ и шапокъ, съ иноземскихъ образцовъ не носили, и людемъ своимъ потомужъ носить не велѣли. А будетъ кто впредь учнетъ волосы подстригать и платье носить съ иноземскаго образца, или такое жъ платье объявится на людѣхъ ихъ: и тѣмъ отъ Великаго Государя быть въ опалѣ, и изъ вышнихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины».¹³⁰

¹²⁶ Черная Л.А. Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея... // Исторический вестник. М., 2013. Т. 3 [150]: Романовы: династия и эпоха. С. 32.

¹²⁷ Забелин И. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 1895. С. 244.

¹²⁸ Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 1. С. 24.

¹²⁹ Цит. по: «Адриана Патриарха грамоты». С. 67.

¹³⁰ «Августа 6. Именный. О ношеніи платья и нестриженіи волосъ по иноземскому обычаю» // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 1 (с 1649 по 1675). С. 1007-1008.

Как православный царь, несмотря на высокий интерес ко всему иноземному (к иностранной культуре, межгосударственной политике и экономике), Алексей Михайлович своими законодательными действиями старался сдерживать проникновение в русскую культуру западных новшеств.

В отличие от своего отца царь Федор Алексеевич не издавал указов, возбуждающих стричь волосы и брить бороды. Напротив, особым распоряжением он потребовал от служилых людей отказаться от традиционного парадного платья и перейти на одежду, которая постепенно приобрела вид европейского. В условиях терпимости и молчаливой поддержки высшей светской властью «вестернизации» русского быта обязанность предотвратить проникновение иностранных тенденций в низшие слои русского общества легла на духовенство.¹³¹ Именно поэтому в качестве ярких и поучительных примеров, иллюстрирующих борьбу церкви за чистоту православной веры, в том числе, и с царским произволом, и с «бесерменскими» и западными обычаями, проникшими в русскую культуру и быт, анонимный автор *Сочинения о патриархе Никоне* выбрал тех иерархов, чей авторитет в среде ревнителей русского благочестия в конце XVII века был непоколебим. Известно, что к образу митрополита Филиппа, являвшего собой в памяти потомков пример духовной стойкости, верности христианству и пастырскому долгу, прибегал и архиепископ Афанасий Холмогорский, составитель антикатолической полемической книги «Щит веры» при изложении идейных воззрений на проблему западного влияния на Церковь.¹³²

В контексте темы западного влияния на русскую культуру и быт в XVII в. хотелось бы упомянуть о Газском митрополите Паисии Лигариде, который по приглашению Патриарха Никона прибыл в Москву в 1662 г., а впоследствии стал одним из главных организаторов его осуждения. Несомненно, тема «Лигарид в России» требует специального исследования, однако необходимо вспомнить о восприятии царем и патриархом личности Паисия, остававшегося в России в связи с делом Никона в течение более десяти лет.¹³³

В православном мире газский митрополит имел репутацию авантюриста,¹³⁴ несмотря на то, что Лигарид принял православие, он поддерживал переписку со своим товарищем по коллегии Львом Алляцием, с католической Конгрегацией пропа-

¹³¹ Шамин С.М. Мода в России последней четверти XVII столетия. С. 37-38.

¹³² Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. С. 82-83.

¹³³ Тимошина Л.А. Газский митрополит Паисий Лигарид: о некоторых датах и событиях // Каптеревские чтения. Сб. статей / Отв. редактор М.В. Бибииков. М., 2012. Вып. 10. С. 89-133.

¹³⁴ По словам келаря Чудова монастыря Саввы, который был с посольством у константинопольского Патриарха Дионисия, тот говорил: «Паисий Лигарид — лоза не константинопольского престола [...] он папешник, лукавый человек»; цит. по: Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. С. 1117. 29 июля 1668 года в Москву была доставлена грамота иерусалимского Патриарха Нектария, в которой сообщалось, что Паисий Лигарид отрешен от служения и проклят еще при предшественнике Нектария, иерусалимском Патриархе Паисии; см. Романова А.А. Паисий Лигарид // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.), ч. 3: П-С. С. 9.

ганды веры,¹³⁵ с кардиналом Барберини,¹³⁶ как предполагают исследователи, вынашивая планы объединения католической и православной церквей.¹³⁷ Паисий обладал большим влиянием на царя Алексея Михайловича, который, в свою очередь, был благодарен митрополиту за его вклад в «дело Никона» и помощь в полемике со старообрядцами. Голландский путешественник Николаас Витсен вспоминал об одной из встреч с Лигаридом следующее:

«Когда мы сказали, что радуемся тому, каким уважением митрополит пользуется со стороны царя, около которого всегда может находиться, что его венчают золотым венцом и во время церемоний он во главе священников, он ответил: “Мы вынуждены, хотим этого или нет, идти в ногу с нравами и религиозными обычаями этого народа [...] Кто хочет быть приятным великим мира сего, должен льстить им”».¹³⁸

Для Патриарха Никона газский митрополит был олицетворением всего пагубного и греховного, что может принести в Россию католическая, т.е., с точки зрения православия, еретическая культура. Основываясь на сведениях о Лигариде, полученных от греков, с которыми Никон состоял в переписке¹³⁹ и тайно встречался,¹⁴⁰ Патриарх нарисовал нелицеприятный облик Паисия:

«Нѣцци же о нем повѣствуют, яко не суть православныя святыя восточныя церкви, но западного римского костела, у папы был 30 лѣтъ дьяконом, и в Мутьянех де был многое время, и велми насѣян римския ереси. Много попам вдовым велѣл на других женах жениться, и чернцам молодым и черницам брачитися, и мяса ясти. И Мутьянской митрополит писал ко вселенским патриархом, и они ево прокляли и платье велѣли с него снять. И он из Мутьян ушел Полшу, и в Полше многое время при королѣ был и по всѣм костелам службу отправлял. Да на него же свидѣтельство привез святыя Афонския горы монастыря Константина архимандрит Феофан книжицу, толкование на “Величит душа моя Господа”. И та книжица друкована в Римѣ и в ней имя его написано есть мирское [...] Да и здѣсь де он живет, никакова чернческаго правила не держит и к церкви не ходит на вечерню, и на утреню, и на литургию. Нѣцци глаголют, яко и мяса ѣст. Федор Татьяна сам видѣл, как табак пьет» (В, с. 639-640).

¹³⁵ Романова А.А. Паисий Лигарид. С. 8.

¹³⁶ Субботин Н.И. Дело патриарха Никона: Историческое исследование по поводу XI тома «Истории России» проф. Соловьева. М., 1862. С. 49-50.

¹³⁷ Пирлинг П. Паисий Лигарид. Дополнительные сведения из римских архивов // Русская старина. 1902. Февраль. С. 337-351.

¹³⁸ Витсен Николаас. Путешествие в Московию. 1664-1665. Дневник. СПб., 1996. С. 154.

¹³⁹ Иконийский митрополит Афанасий и грамотоносец иерусалимского Патриарха Нектария Савва Дмитриев, см. **Посл. ПН**, с. 84-102.

¹⁴⁰ Архимандрит Кастамонитова монастыря на Афоне Феофан и черный диакон Агафангел — переводчик при газском митрополите; см. Каптерев Н.Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Сергиев Посад, 1914. С. 191-192; Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV-XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 47; Тимошина Л.А. Греки и русские в Москве в 1665 г. // Третьи чтения памяти профессора Николая Федоровича Каптерева. Материалы. М., 2005. С. 41-53.

За время пребывания в России, Лигарид смело демонстрировал такие «новшества», которые «не соглашались» с православной этикой и правилами веры. К перечисленным Никоном особенностям поведения Лигарида добавим те, что отметил Витсен: Паисий открыто принимал людей не православного вероисповедания — «евреев, лютеран и кальвинистов» и вел с ними богословские беседы, в присутствии царского семейства произносил проповеди на латинском языке.¹⁴¹

Появление Лигарида в Москве уместно связать с вопросом, поставленным, как полагал профессор П.В. Знаменский, еще до Никона, но с новой силой зазвучавшим в период его патриаршества: «истинно ли православны греки?».¹⁴² В профессионально закрытую Московию XVII века¹⁴³ Лигарид принес темы и идеи, чуждые восточному богословию и потому вызвавшие поток полемических сочинений русских богословов второй половины XVII в. — о Пресуществлении, об исповедании христианской веры, о России как защитнице христианского мира. Что касается последней темы, то непосредственным воплощением ее служит сборник «Хрисмологион», автором которого считается Паисий Лигарид, поднесенный им царю Алексею Михайловичу в 1673 г.. Составитель «Хрисмологиона» побуждает московского правителя отвоевать у турков святыни христианского мира, освободив Константинополь от агарян. Тема, постоянно звучащая в сочинениях греков XVI-XVII вв.,¹⁴⁴ в лигаридовском сборнике была истолкована ссылками, среди прочих, и на экзегетов западной Церкви периода Реформации, сочинения которых во 2-ой половине XVII в., как полагает Т.А. Исаченко, скорее всего были отторгаемы русскими богословами.¹⁴⁵

Патриарх Никон, находясь в Воскресенском монастыре после оставления патриаршей кафедры, предупреждал царя об опасности, какую несет собой Лигарид. В качестве поучительного примера возможной ассимиляции культур он осваивал и внедрял в свои труды те заимствования западной культуры, которые не противоречили духу православной традиции, следуя здесь настоятелю Киево-Печерской лавры архимандриту Иннокентию (Гизелю), который писал, что только то «полезно есть к созиданию», что «с Вірою Православною соглашается».¹⁴⁶

¹⁴¹ Витсен Николаас. Путешествие в Московию. С. 154-155.

¹⁴² Знаменский П.В. Руководство к русской церковной истории. Казань, 1880. С. 259-267.

¹⁴³ В июле 1668 года папский нунций в Польше написал кардиналу Роспильози о том, что он намереть поощрить митрополита Паисия Лигарида за «усердие» «в работе за истинную веру в Москве, за святое соединение греческой церкви с католической». Однако 28 сентября того же года Лигарид написал доминиканцу о. Шиловскому, что уния в Москве неосуществима, см. Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1875. Vol. 5. S. 741-742; Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3 ч. М., 1995. Ч. 3. С. 128.

¹⁴⁴ Чеснокова Н.П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII века (По документам Российского государственного архива древних актов). М., 2011. С. 159-198.

¹⁴⁵ Исаченко Т.А. Вера и противление в ответах и обличениях 80-90-х гг. XVII в. Новые библейские переводы в филологических школах XVII в. М., 2015. С. 21.

¹⁴⁶ Цит. по: Зеленская Г.М. Новый Иерусалим и Малая Россия в XVII веке. С. 175; Довга Л.М. Трансформація православної антропології у трактаті Інокентія Гізеля «Мир з Богом чоловіку» //

Дружеские отношения Лигарида с царем, покоренным ученостью Паисия, а также проникновение в общество идей и тематики западного происхождения, «латинских и протестанских толковников» и их «измышлений» — все это, возможно, способствовало возникновению и прорастанию в народе и среди представителей низшего духовенства ростков свободомыслия, увеличению случаев «дерзостного высокоумия» о том, «о чем и ангелы подумать не смеют», и появлению тех, кто «прелстившися от чтения овыи латинских, овыи полских еретических книг», «незатворенная уста и необузданный язык соплетают лщения... ратуют мать свою, Святую Православную Церковь, похваляюще западная папешская нововымышляемая учения», — так писали патриархи и Иоаким, и Адриан.¹⁴⁷ Лигарид, пользуясь покровительством Алексея Михайловича, внес немалый вклад в разрушение парадигмы православного сознания русских людей, благодаря чему духовное состояние России последние досинодальные патриархи характеризовали как «достойное плача» (патриарх Адриан) и «раздрание» «ризы Христовой» (патриарх Иоаким).¹⁴⁸

Анализируя социально-культурное и психологическое состояние русского общества накануне петровских реформ, А.Л. Хорошкевич сделала вывод о том, что в это время принять грядущие перемены была готова лишь незначительная часть русского общества.¹⁴⁹ Не потому ли, что к концу XVII в. влияние иноземной культуры неравномерно распространилось на разные социальные слои московского общества и неглубоко проникло в сознание русских людей? Опасение за усиление влияния западной культуры на православную культуру и быт, поддерживаемого правящей элитой, были высказаны анонимным автором *Сочинения о патриархе Никоне* через указание на важные направления деятельности святителей Филиппа и Никона:

«нам образъ показа, обличения ради своего, что нам отнюдь не подобает невѣрных обычаев внимати и тафей носить» (*Соч. о ПН*, с. 343; о митрополите Филиппе);

«И да не бывают присущи христиане православнии на отреченных игрищех и позорѣхъ, ниже да послѣдуют обычаем варварскимъ, но да воздержаваются от них, елико можно есть» (*Соч. о ПН*, с. 356, о патриархе Никоне).

Очевидно, что в конце XVII века тема царя — сторонника иноземных заимствований, возникшая в «Запрещении о тафьях», получила новое звучание как царя-реформатора, находившего опору для преобразований религиозной и общественной жизни не в отечественной православной традиции, а в западной культуре. И в этом

Людина и культурі російського барокко. Міжнародна наукова конференція. Тези доповідей. Київ, 2006. С. 45.

¹⁴⁷ Цит. по: *Исаченко Т.А.* Вера и противление в ответах и обличениях 80-90-х гг. XVII в. С. 21, 23, 24.

¹⁴⁸ Там же. С. 24, 25.

¹⁴⁹ *Хорошкевич А.Л.* Психологическая готовность россиян к реформам Петра Великого. (К постановке вопроса) // *Российское самодержавие и бюрократия: Сб. статей в честь Натальи Федоровны Демидовой.* М., 2000. С. 158-182.

смысле параллель Иван IV — Петр I, царствующий современник анонимного автора, просматривается в *Сочинении о Никоне* достаточно четко.

Исследователи неоднократно трактовали публичные действия царя Ивана IV как «анти-поведение»,¹⁵⁰ как «иконический перформанс» — акт, разыгранный по особому «сценарию» и с определенными целями.¹⁵¹ В «Запрещении о тафьях» обрисована одна из таких зрелищных «постановок» с ведущей ролью царя и элементами перевертыша: Иван Васильевич вошел в церковь с покрытой восточным убором головой, несомненно зная, что покрытие мужчиной головы противоречит важному принципу христианской веры, обоснованному апостолом Павлом (1 Кор. 11), а ношение ubоров «безбожного Махмета» запрещено Стоглавом; Филипп через своего клирика обличил государя:

«Не подобает благочестивымъ царемъ невѣрныхъ обычаев перенимати. Поверги берменскую вѣру на землю, да видиши во церковь» (*Соч. о ПН*, с. 343),

но царь вместо христианского смирения бросил оземь тафью и отказался принять от митрополита благословение. Публичная демонстрация неповиновения Богу и неуважения к Церкви, открытое противостояние ее предстоятелю и последовавшее затем наказание митрополита (Филипп был сослан в Богоявленский монастырь и посажен под железный колпак), да и сам выбор места для «представления» — церковь во время совершения литургии, — весь этот акт стал для Грозного принародным уподоблением себя Богу как Судии.¹⁵²

Это действие, на наш взгляд, стоит в одном ряду публичных актов на тему суда, устроенных царем Иваном IV, где органично соединились его глубокое убеждение в своей мессианско-преобразовательной роли со следованием таким моделям иноземной культуры, которые уводили его от веры и подрывали дух, от чего царь утрачивал духовную твердость и способность к управлению своими слабостями и эмоциями. К ярким «иконическим перформансам» Ивана IV относятся и новгородско-псковский поход, разыгранный по сценарию наказания еретиков;¹⁵³ и демонстративное оставление государем Москвы, когда он в 1564 г. сложил с себя монаршее облачение, венец и посох и «передал» свое царство, пообещав вернуться, чтобы снова взять его;¹⁵⁴ и создание царем для его безопасности и «совершения особенных злодеяний» (И. Таубе и Э. Крузе) некоего рыцарско-монашеского (или придворного) ордена — «сатанинского полка» (А.М. Курбский) — из пятисот человек, имевших орденский костюм, символику, свой орденский храм в Алек-

¹⁵⁰ Успенский Б.А. Анти-поведение в культуре Древней Руси // *Он же*. Избранные труды Т. 1. С. 466-468.

¹⁵¹ Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Грозного: трансформации идеи царской власти // *Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси*. Сб. статей / под ред. А.М. Лидова. М., 2011. С. 508-532.

¹⁵² Живов В.М., Успенский Б.А. Царь и Бог (Семиотические аспекты сакрализации монарха в России) // *Успенский Б.А. Избранные труды Т. 1*. С. 205-337.

¹⁵³ Чумичева О.В. Иконические перформансы Ивана Грозного. С. 511 и след.

¹⁵⁴ Володихин Д.М. Митрополит Филипп. М., 2009. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1173). С. 136 и след.

сандровской слободе, своего гроссмейстера, в роли которого выступал царь, и даже печать.¹⁵⁵ Этот «орден кромешников», пресловутый «царский обиход», по мнению иностранцев — очевидцев событий, находившихся на службе царя и бежавших из России (И. Таубе, Э. Крузе, Г. Штаден, А. Шлихтинг),¹⁵⁶ отвечал орденской практике Западной Европы того времени¹⁵⁷ и, в определенной мере, удовлетворял желание московского царя организовать в России свой рыцарский орден.¹⁵⁸ Исходя из идеи сакральности и богоданности царской власти, Иван IV, как пишет А.Л. Юрганов, присвоил себе сверхчеловеческие функции и при помощи опричников — «божьего воинства, праведно казнящего грешников», — моделировал Страшный суд.¹⁵⁹ А.А. Булычев, исследовав символические функции опричников и атрибуты, которыми они были вооружены, пришел к выводу, что прообразом государева слуги был «светлый ангел-мучитель древнерусских апокрифов и, отчасти, духовных стихов, обитающий в преисподней»; очевидно, поэтому, его главной задачей было безжалостное физическое наказание грешников.¹⁶⁰

Используя сакральное пространство как место для «спектакля» (в сочинении о тафьях), или для решения царственных дел, противоречащих своим содержанием православной этике,¹⁶¹ Грозный создал орденский антимонастырь, где правил кровавую «литургию», сопровождаемую извращенной жестокостью.¹⁶² Характеризуя псевдомонашество Грозного, Д.М. Володихин писал:

¹⁵⁵ Полосин И.И. Что такое опричнина // *Он же*. Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. Сб. статей. М., 1963. С. 152-155; Никитин А.Л. Опричнина Ивана IV и «орден кромешников» // *Он же*. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 629-631.

¹⁵⁶ *Московия при Иване Грозном глазами иноземцев*. М., 2014. С. 9, 83, 120 и след.

¹⁵⁷ Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 68-115.

¹⁵⁸ Полосин И.И. Что такое опричнина. С. 152-154.

¹⁵⁹ Юрганов А.Л. Страшный суд: время и место // *Он же*. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356-404.

¹⁶⁰ Булычев А.А. Между святыми и демонами. Заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005. С. 145-146.

¹⁶¹ «Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдает он приказания в церкви. Для совершения всех этих злодейств он не пользуется ни палачами, ни их слугами, а только святыми братьями. Все, что приходит ему в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви», цит. по: Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // *Московия при Иване Грозном глазами иноземцев*. С. 127.

¹⁶² По воспоминаниям И. Таубе и Э. Крузе, в Александровой слободе, Иван IV, «был игуменом, кн. Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром в 4 часа должны все братья быть в церкви; все неявившиеся [...] приговариваются к восьми дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь [...] Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят [...] После того, как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенки, в котором постоянно находятся много сот людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость [...] Все братья, и он прежде всего, должны иметь длинные черные монашеские посохи с острыми

«Не монастырская братия, но пародия на нее; не юродство, но охальничество, не прямое исповедание веры, а вычурная царская прихоть».¹⁶³

Театрализованность поведения царя, его злые пародийные выпады в адрес церкви и устоев монастырского общежития не могли остаться незамеченными митрополитом Филиппом. Символичен жест Филиппа — он захлопнул перед царем двери: правителю, чьи поступки подрывают духовные основы православного благочестия, в храме не место. С большим сочувствием к судьбе опального иерарха и нескрываемым осуждением поступка великого князя писали иностранцы о расправе над митрополитом Филиппом:

«И хвала и честь ему перед всеми за то, что он, бесстрашная, храбрая душа, во всем держал сторону справедливости, не жалея своей собственной жизни».¹⁶⁴

Выпады Ивана IV против Церкви не способствовали авторитету самодержца не только в России, но и в западном христианском мире. Примечательно, что в библиотеке архиепископа Афанасия Холмогорского, одного из самых известных ревнителей православия, сохранился единственный экземпляр исторической *Повести о митрополите Филиппе*, главная тема которой — гибель праведников (самого Филиппа и людей разделенного царства). В сочинении неизвестного автора конца XVII в. тема мученичества Филиппа еще более усилена по сравнению с *Житием митрополита*, что особенно проявилось в подчеркнутом противопоставлении иерарха-страстотерпца царю-мучителю, губящему царство.¹⁶⁵

Следует заметить, что в исторической *Повести о митрополите Филиппе* конца XVII в. дана однозначная оценка событиям, центром которых стала при Иване

наконечниками [...] а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее»; там же. С. 126-127. — «Живя в упомянутом Александровском дворце, — вспоминал А. Шлихтинг, — словно в каком-то застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья базилиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подбито козьими мехами. По примеру тирана также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из опричнины, которые исполняют обязанность караульных и стражей. И так великий князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же делают все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их он называет братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем он соблюдает устав жизни, вполне одинаковый с монахами [...] Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек», см. *Альберт Шлихтинг*. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // *Московия при Иване Грозном глазами иноземцев*. С. 95.

¹⁶³ *Володихин Д.М.* Митрополит Филипп. С. 144.

¹⁶⁴ Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе. С. 129.

¹⁶⁵ *Лобакова И.А.* Историческая повесть о митрополите Филиппе. Литературные источники и их интерпретация конца XVII в. // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб., 2004. Т. 55. С. 301-312.

Грозном Александровская слобода, как погубление праведников обреченного государства:

« О моих слезъ! Словомъ рече именуется слобода, а дѣломъ оставлшая древле египетска лети: тамо первородныхъ погубление, здѣ же, яко класы, православныя пожинахуся». ¹⁶⁶

Вполне вероятно, что аллюзии на Ивана Грозного — «нового Ирода» ¹⁶⁷ присутствовали и в иконописном творчестве патриарха Никона. Осенью 1666 г., незадолго до Собора, его осудившего, Никон послал новорожденному царевичу Ивану Алексеевичу по случаю дня его тезоименитства 29 августа (день Усекновения главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна) письмо и икону Иоанна Крестителя, «отсѣченую главу его», написанную им собственноручно. ¹⁶⁸

В центре иконы, созданной в традициях византийской иконографии, ¹⁶⁹ изображена чаша с главой Иоанна Крестителя, которой предстоят два ангела. Над чашей — обширная надпись, составленная в назидание царевичу. Текст начинается евангельскими стихами о мученической кончине Иоанна Предтечи, продолжается рассказом о самой иконе и завершается толкованием имени Иоанн. На нижнем поле — дата написания: 28 сентября 1666 года. Образ царевича был не только крестильным; на изображении блюда находится мощевик с кровью Иоанна Предтечи, а надпись над мощевиком сообщала, что это: «**ИСТАА КРОВЪ МЪЧЕНИКА ... ИОАННА ПРЕДТЕЧИ**» ¹⁷⁰ (ИП, с. 292), т.е. икона служила одновременно и реликварием (илл. 55).

Образ Иоанна Предтечи, небесного покровителя царя Ивана Алексеевича, выступившего с обличением царя Ирода (Мф. 14:3-5, Мк. 6:17-20), мог вызывать у адресатов прямые ассоциации с современными им событиями, связанными с подготовкой церковного Собора для осуждения Патриарха Никона. Сомнительно, чтобы патриарх Никон, посылая новорожденному царевичу икону-мощевик, пытался смоделировать его будущее поведение по хорошо известной в истории Московской Руси модели: подобно его отцу, царю Алексею Михайловичу, признавшему вину Ивана Грозного за смерть митрополита Филиппа, оправдать в будущем и Никона, искупив тем самым вину московского государя перед опальным патриархом. Никон, скорее, двигало чувство духовной любви к новорожденному царевичу, которого он никогда не увидел и которого ему не довелось крестить, как

¹⁶⁶ Лобакова И.А. Историческая повесть о митрополите Филиппе. С. 309.

¹⁶⁷ В «Сказании» об Иване Грозном и митрополите Филиппе из сборника 1670-1680 гг. последовательно проведена мысль о подобии Грозного царю Ироду, см. Лобакова И.А. «Сказание о царе Иване и о Филиппе митрополите» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2009. Т. 59. С. 376-393.

¹⁶⁸ Этот образ сохранился в государственном историко-культурном музее-заповеднике «Московский Кремль».

¹⁶⁹ Маркина Н.Д. Икона-мощевик «Глава Иоанна Предтечи» // Христианские реликвии в Московском Кремле / Ред.-сост. А.М. Лидов, 2000. С. 292-293; Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005. С. 32.

¹⁷⁰ Здесь и далее надписи на иконе цит. по изд.: Маркина Н.Д. Икона-мощевик «Глава Иоанна Предтечи». Страницы по изд. с пометой ИП — в тексте в круглых скобках.

других детей Алексея Михайловича. Своим даром патриарх Никон хотел научить наследника царского престола христианской любви во всех ее проявлениях: не случайно надпись на иконе завершается толкованием имени Иоанн:

«иоаннъ многообразно протолкъется имать же се гдѣна мѣать и даръ и мѣрсдѣ и [во]овожный и мѣрсдый и благодать гдѣна» (ИП, с. 292).

*

* *

Духовная связь митрополита Филиппа и патриарха Никона, единство их деятельности как первоиерархов страны и трагическое родство их судеб осознавалась не только самим патриархом и его современниками, но и последующими поколениями почитателей этих ярких исторических фигур. Это нашло отражение во многих произведениях церковного искусства.

Во 2-ой половине 1680-х гг. для гробницы Патриарха Никона был изготовлен драгоценный покров, на котором Крест и гора Голгофа состояли из нашитых на бархат 46-ти круглых серебряных вызолоченных дробниц, обрамленных шнурами из серебряной канители.¹⁷¹ Каждая дробница представляла собой гравированную икону. Возможно, что покров был вкладом царевны Татьяны Михайловны, сестры царя Алексея Михайловича. Тематика изображений на дробницах связана с личностью и жизнью патриарха, свидетельствует о почитании его памяти царской семьей и, что особенно важно, ставит гробницу в Новом Иерусалиме в один ряд с гробницами русских иерархов в Успенском соборе Московского Кремля. Во 2-ой половине XVII в. там лежали покровы «изъ чернаго бархата съ большимъ крестомъ, на коемъ сверху до низу маленькія иконы изъ позолоченнаго серебра».¹⁷² На покров, изготовленный для гробницы патриарха Никона, в вертикальной части креста была нашита дробница с изображением митрополита Филиппа.¹⁷³

В конце XVII—1-ой трети XVIII столетия в Воскресенском соборе Нового Иерусалима был устроен придел в честь святителя Филиппа. Он находился в подземной церкви святых равноапостольных Константина и Елены, к северу от места Обретения Креста Господня. Освящение придела в честь русского святого на месте, имеющем первообраз в храме Гроба Господня в Иерусалиме, — единственный случай в истории священной топонимики Воскресенского собора. В середине XVIII в. изразцовый иконостас Филипповского придела был по ветхости разобран, а сам придел упразднен. Вопрос о времени и причинах устройства данной церкви нуждается в специальном исследовании, но вряд ли можно сомневаться в причастности к этому событию последователей патриарха Никона и почитателей митрополита Филиппа.

¹⁷¹ Ныне покров хранится в музее «Новый Иерусалим» (г. Истра). Из 46-ти дробниц 3 утрачены.

¹⁷² Цит. по: Путешествие Антиохийскаго патриарха Макария в Россию. Вып. 3. С. 103.

¹⁷³ Зеленская Г.М. Концепция современного оформления гробницы Святейшего Патриарха Никона в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря // Культура, история и литература Русского мира: общенациональный и региональный аспекты. Сб. статей и материалов всерос. научно-практической конференции с междунар. участием «Человек и мир человека» / Ред.-сост. С.К. Севастьянова. Барнаул, 2014. С. 265-297.

Интересен и другой случай выражения духовной связи двух иерархов-храмоздателей через архитектуру. В 1777-1788 гг. на месте торжественной встречи мощей митрополита Филиппа при перенесении их из Соловецкого монастыря в Москву была построена церковь святителя Филиппа. Автор проекта известный архитектор М.Ф. Казаков оформил центральное пространство храма в виде ротонды со свободно стоящими колоннами и кессонированным куполом. Эти архитектурные формы наряду с деталями убранства интерьера напоминают Воскресенский собор Нового Иерусалима, заново оформленный в середине XVIII века по проекту Ф.-Б. Растрелли.¹⁷⁴

В православном церковном сознании оба первосвятителя стоят у престола Божия как молитвенники и заступники за Святую Русь. Об этом свидетельствует изображение на колоколе «Благовестник», отлитом в 1856 г. в Ярославле в память обороны Соловецкого монастыря от англичан в 1854 г. На этом колоколе, сохранившемся до наших дней, вылиты образы преподобных Зосимы и Савватия, Елеазара Анзерского, святителя Филиппа и Патриарха Никона (илл. 56-57).

Вместе изображены оба иерарха и в иконостасе церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи под Святой Голгофой в Воскресенском соборе Нового Иерусалима, где погребен патриарх Никон. Двухъярусный пятипролетный иконостас состоит из полихромных изразцов XVII века, однако все древние иконы из этой церкви утрачены. Современная иконографическая программа иконостаса посвящена житию Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна. Во втором ярусе над северными и южными воротами к стенам примыкают треугольные пролеты, для которых в 2004 г. были написаны две иконы: митрополита Филиппа и патриарха Никона. Они изображены коленопреклоненными, в полном архиерейском облачении (илл. 58-61). Образы святителей связаны с Деисусным чином в центральных проемах второго яруса, но отражают и традицию ктиторских изображений в Новом Иерусалиме. В иконостасах Воскресенского собора над боковыми воротами или на них помещались, как правило, иконы небесных покровителей вкладчиков. В данном случае здесь изображены сами ктиторы. Они оба устроили придел Усекновения главы Иоанна Предтечи: один — в Успенской церкви на Соловках, другой — под Святой Голгофой в Новом Иерусалиме. Иоанн Предтеча, обличавший неправедность царя Ирода, служил первообразом как для митрополита Филиппа, так и для патриарха Никона.

На Соловках и в Новом Иерусалиме память о молитвенном подвиге и подвижничестве обоих архипастырей всегда оставалось живой. В Филипповой пустыни благоговейно хранился черный камень овальной формы, служивший, согласно преданию, *возглавию* при отдыхе игумена Филиппа. В XIX—нач. XX вв. богомольцы почитали камень святыней. Те из них, кто страдал от хронической головной боли, поднимали камень и носили его на голове вокруг церкви в надежде

¹⁷⁴ Паламарчук П. Сорок сороков. М., 1995. Т. 3. С. 194-196. В советские годы церковь святителя Филиппа была закрыта, возвращена Русской Православной Церкви в 1991 году. Ныне ее стены украшают росписи с изображением *Жития митрополита*.

получить исцеление.¹⁷⁵ В 1920-е годы пустынь подверглась разорению. Возглавие игумена Филиппа, как и многие другие святыни, было вывезено из Соловков. Впоследствии оно хранилось в Патриаршей ризнице. К тому времени одна сторона камня была обработана в виде горельефного изображения мужского лица. Вероятно, по замыслу скульптора, это должно было указывать на мемориальное значение реликвии (илл. 62).

Знаменательно, что начало возрождения церковной жизни на Соловках связано с именем митрополита Филиппа. В 1988 г. от группы верующих граждан поселка «Соловецкий» в исполком районного Совета народных депутатов поступило заявление о регистрации. В апреле 1989 г. это религиозное общество, именуемое *Общиной Свято-Филипповской церкви*, было зарегистрировано Советом по делам религии при Совете министров СССР. Первыми церковными зданиями, переданными в пользование общине, были часовня и храм святителя Филиппа, а также келейный корпус Филипповской пустыни. После возрождения в 1990 г. Спасо-Преображенского ставропигиального Соловецкого монастыря камень-возглавие игумена Филиппа был возвращен в обитель.

И в Богоявленской пустыни Нового Иерусалима на протяжении XVII—нач. XX вв. бережно хранилось и почиталось святыней каменное ложе с каменным возглавием в летней келье патриарха Никона на кровле здания. Ложе простиралось вдоль западной стены; оно было слишком коротким, чтобы лечь в полный рост, и служило скорее скамьей, сидя на которой можно склониться на возглавие (илл. 63). После закрытия Воскресенского монастыря в 1919 г. на его территории был образован музей, который ведал и зданием Пустыни. До 1929 г. сторожем здесь служил иеромонах Валентин. Он приехал в Россию с Афона и в связи с революционными событиями не смог вернуться обратно. Иеромонах Валентин носил монашеское облачение и наперсный крест, тайно совершал богослужения в Богоявленской церкви и принимал народ, который стекался к нему во множестве. На первом этаже Пустыни он обустроил себе келью, где стоял большой камень, служивший ему возглавием во время сна.¹⁷⁶ Подобные камни были и в кельях иноков Соловецкого монастыря.

В Новом Иерусалиме между Богоявленской пустыней и Силоамским источником находился в советские времена большой темно-коричневый камень, на котором, по преданию, по ночам коленопреклоненно молился патриарх Никон. Основание камня уходило в землю; на свету его размеры составляли около 50 см в высоту, 150 в длину и 60 см в ширину. Архивных документов о камне нет, но сохранилась запечатлевшая его фотография 1957 г. (илл. 64). Истоки предания о камне моления Патриарха Никона восходят к евангельскому эпизоду моления Христа и к образам молитвенного стояния на камне русских святых. По форме камень был похож на камень Сорокадневной горы: оба имеют внизу «приступочку» вроде ступени. По цвету святыня Нового Иерусалима близка Гефсиманскому кам-

¹⁷⁵ *Осипенко М.В.* Соловецкая обитель: история и святыни. Книга паломника. Соловки, 2014. С. 524.

¹⁷⁶ *Зеленская Г.М.* Почитание памяти Святейшего Патриарха Никона в XVII-XX веках. С. 92.

ню, который по описанию русских паломников XIX в. имел прожилки кровавого цвета, напоминающие слова Евангелия о кровавом поте Христа: «**ВЫСТЬЖЕ ПОТЬ ЕГО ЁАКО КАПЛА КРОВЕ КАПЮЩИ НАЗЕМЛЮ**» (Лк. 22: 44) (Б, л. 41об.). Камень патриарха Никона привлекал множество поклонников. Прикладываясь к камню, богомольцы старались его укусить в надежде на исцеление от зубной боли.

В середине 1960-х гг., когда усилилась борьба с религией, к камню подогнали кран, погрузили его на самосвал и вывезли за город. Камень был сброшен в Буньковское болото близ Вельяминово. Вскоре после этого водитель самосвала погиб. В народе его смерть была воспринята как Божья кара за святотатство. В настоящее время почитатели патриарха Никона предлагают возложить на месте его моления в Новом Иерусалиме камень из Троицкого Анзерского скита или Филипповой пустыни как общий памятник двум иерархам. В глазах представителей православной культуры, невзирая на годы ее преследования, митрополит Филипп и патриарх Никон продолжали восприниматься как звенья одной цепи. Если воспользоваться словами Симеона Нового Богослова, эта «златая цепь» «соединена союзом Святого Духа», утверждена в Боге и «неудоборазрываема есть»¹⁷⁷ (илл. 65-66).

*

* *

Сопоставляя жизнь и деятельность двух иерархов Русской церкви, митрополита Филиппа и патриарха Никона, нельзя не заметить сходства целого ряда деталей и фактов их биографий, разделенных по времени целым столетием. Метод сравнения позволяет на конкретном материале, относящемся к разным эпохам и стилям, выстраивать типологические параллели, которые служат доказательством того, что православная культура России, имея собственное проблемное поле, проходит в процессе своего исторического бытия сходные этапы. Подобные типологические параллели, основанные на выявлении близости и различия культурных явлений по одному или нескольким критериям, позволяют представить изображение отечественной истории в ее более объемном и полном виде.

Институт филологии Сибирского Отделения РАН

Историко-архитектурный и художественный музей
«Новый Иерусалим»

¹⁷⁷ Преподобного Симеона Нового Богослова деятельные и богословские главы // Добротолюбие. М., 2000. Т. 5. С. 56.